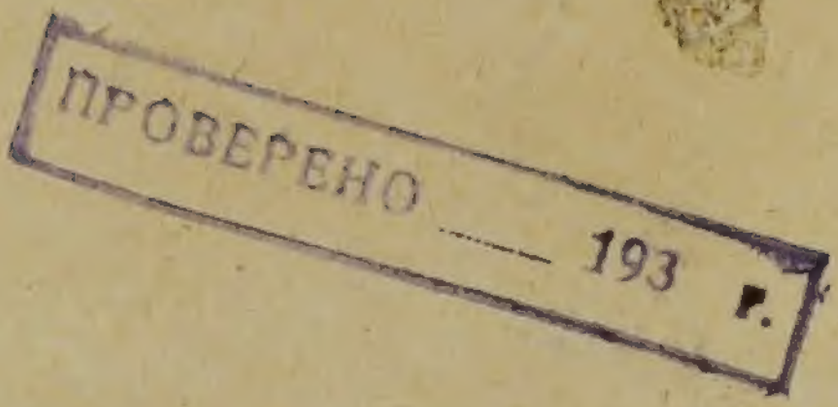
63.3(253)
0-55


ПРОВЕРЕНО ____ 193 г.

63.3(253) + 63.3(2)45 +

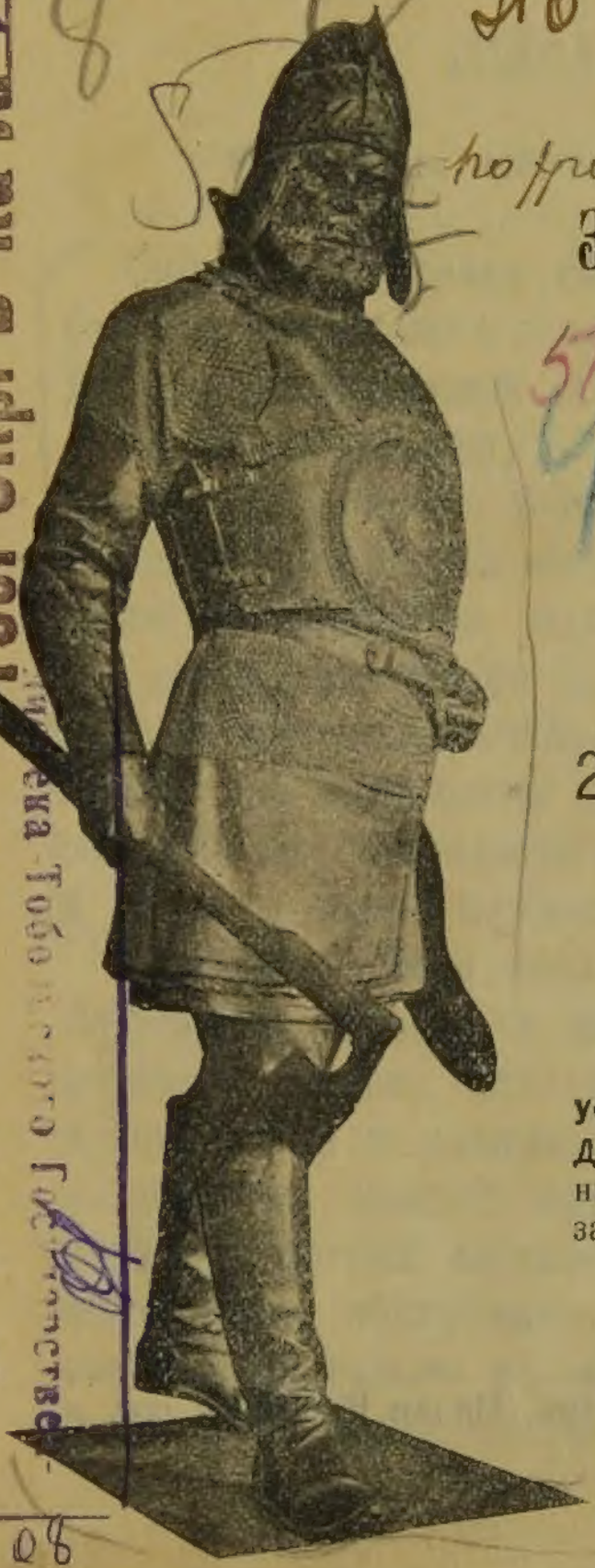
0-55

63.3(2)-8 Epm

ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. А. И. КИРПИЧНИКОВА, А. А. КИЗЕВЕТТЕРА, М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКАГО и Н. Н. ХАРУЗИНА.

СИБИРЬ.



ОЧЕРКЪ ЗАВОЕВАНІЯ и ЗАСЕЛЕНІЯ

С. ОЛФЕРЬЕВА.

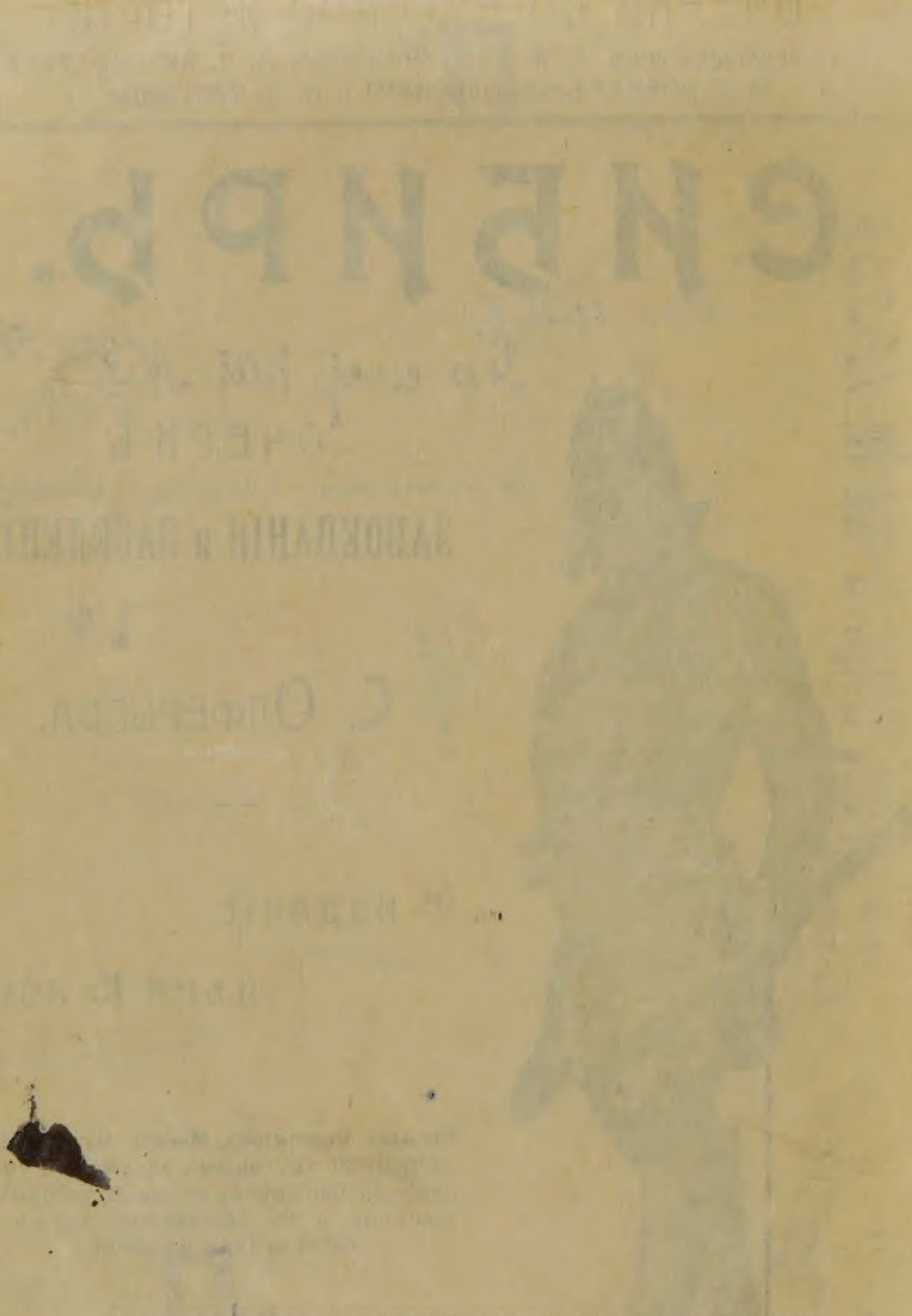
2-е ИЗДАНІЕ

ЦѢНА 15 КОП.

Ученымъ Комитетомъ Минист Нар. Просв. ДОПУЩЕНО въ первомъ изданіи въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

1937 г.

МОСКВА. 1910.



Типографія Вильде, Москва, Малая Кисловка, соб. д.

„И Божьимъ милосердіемъ и государевымъ счастьемъ ста Сибирь подъ государскою высокою рукою до-вѣка, пока-мѣста Богъ изволитъ вселенной стояти“.
(Отписки казаковъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мѣстность, природа и населеніе Сибири.

Сибирь — «страна сѣвера». Лежитъ она по ту сторону Уральскихъ горъ между двумя частями свѣта: Европой и Америкой. Отъ первой она отдѣляется Уральскими горами, а отъ второй — Беринговымъ проливомъ. Сибирь составляетъ сѣверную половину обширнѣйшей части свѣта, Азіи, и имѣетъ видъ громадной равнины, идущей на пять тысячъ верстъ въ длину, да далеко за двѣ въ ширину. Сибирь превосходитъ Европейскую Россію болѣе, чѣмъ вдвое; она занимаетъ пространство большее, чѣмъ вся Европа, составляетъ четвертую часть всей Азіи и немного болѣе половины Африки.

Равнина Сибири поката къ сѣверу, гдѣ лежитъ Ледовитый океанъ, и ее можно раздѣлить на двѣ неравныя части, изъ которыхъ *западная* совершенно ровна и должна быть названа низменностью въ полномъ смыслѣ этого слова, а *восточная* прорѣзана отрогами невысокихъ горъ и рядами холмовъ. Горы обступаютъ Сибирь съ запада, юга и востока, и только въ юго-западной части лежатъ широкія степныя мѣста.

Западною Сибирью называется та часть Сибири, которая лежитъ между хребтомъ Уральскихъ горъ и рѣкою Енисеемъ, а *Восточная Сибирь* занимаетъ пространство, заключенное между Енисеемъ и берегами Охотскаго моря; она въ четыре раза больше западной и во многомъ отличается отъ нея. Западная Сибирь, въ общемъ, очень похожа на сосѣднія съ нею мѣстности Европейской Россіи: это та же однообразная равнина, съ тою же почвой, покрытая почти тѣми же растеніями, съ тѣмъ же холоднымъ климатомъ. Только эта страна болѣе пустынна, безлюдна. Здѣсь на огромныхъ разстояніяхъ не встрѣтишь присутствія человѣка. Значительная часть западной Сибири представляетъ изъ себя тундры, которыя каймой тянутся чрезъ всю Сибирь, вдоль берега Ледовитаго океана. Тундра похожа на наши моховыя болота. Куда ни оглянись, вездѣ почти одни грязно-бурые мхи да лишаи; мхи преобладаютъ и на огромномъ протяженіи застилаютъ землю бѣловато-желтымъ ковромъ. Кое-гдѣ попадается ива, ольха, тальникъ, да низенькія березки. На полуденныхъ склонахъ зеленѣетъ мѣстами рѣденькая травка, пестрѣютъ одуванчики, макъ, незабудки, а влажныя кочки покрыты голубицей, морошкой и клюквой. Мерзлая почва въ тундрѣ едва успѣваетъ протаять въ лѣто на нѣсколько вершковъ; вода не вбирается въ землю и поэтому въ тундрѣ множество озеръ, рѣчекъ и ручьевъ. Тундра зимой—это царство безмолвія и смерти: тамъ цѣлые восемь-девять мѣсяцевъ тянется суровая зима съ морозами въ 40—45 градусовъ и болѣе, и въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ солнце почти не показывается. Какъ печальна тогда тундра! Только мѣсяцъ да

звѣзды свѣтятъ на мертвую снѣжную пустыню, да сѣверное сіяніе, какъ громадный сполохъ, раскидывается по небу разноцвѣтными лучами. Зимой тундра представляетъ изъ себя безконечный пустырь, укрытый нерѣдко глубокимъ, саженнымъ снѣгомъ, безъ признаковъ жизни: ни кустика, ни деревца — ничего, кромѣ бѣлыхъ, глубокихъ снѣговъ. Все живое уходитъ въ эту пору оттуда въ лѣса, которые тянутся за тундрами во всей средней полосѣ Сибири; тамъ вѣтеръ не можетъ гулять такъ просторно, какъ въ тундрѣ, и климатъ тамъ не такъ суровъ. Когда въ тундрѣ наступаетъ короткое, быстро цвѣтущее лѣто, когда зашумитъ въ ней талая вода, то эта однообразная пустыня оживаетъ; прилетаютъ залетныя птицы — журавли, гуси, утки, лебеди, гагары, и оглашаютъ тундру своими криками; показывается звѣрь; за послѣднимъ выходитъ въ тундру и человѣкъ; онъ охотится, ловитъ рыбу и пасетъ своихъ оленей, которые кормятся здѣсь мхомъ, называемымъ ягелемъ.

Южнѣе тундръ протянулись по всей Сибири дремучіе хвойные и лиственные лѣса, которые укрываютъ въ своихъ глухихъ трущобахъ всякаго рода звѣрей, за которыми неутомимо охотятся мѣстные жители. Дики и дремучи лѣса Сибири; жутко непривычному человѣку въ ихъ дебряхъ, куда и солнце едва проникаетъ.

Въ западной Сибири лѣса называются урманами, а въ восточной тайгой. Среди глухой чащи урмановъ встрѣчаются болота, или такъ называемые «зыбуны». Подходя къ «зыбуну», видишь какъ бы зеленую полянку, испещренную цвѣтами; кругомъ нея лѣсъ, ароматъ хвойныхъ деревьевъ, особенно

пихты; она манитъ къ себѣ и человѣка и звѣря, но тотъ и другой бережно, пугливо обходятъ эти обманчивыя зеленыя поляны, зная, что это «зыбунъ», бездонное болото, въ которомъ легко погибнуть. Лѣса западной Сибири спускаются къ югу недалеко: уже на одной линіи съ Москвой они рѣдѣютъ, получаютъ видъ рѣдкихъ березовыхъ рощицъ и, наконецъ, пропадаютъ совсѣмъ. Сибирь перестаетъ быть Сибирью, а переходитъ въ безпредѣльную киргизскую степь. Восточная Сибирь есть настоящее царство дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ. Какъ горы, такъ и равнины поросли мрачной, дикой тайгой; эти дѣвственные лѣса изобилуютъ вѣковыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойныхъ деревьевъ. Страшно заблудиться въ тайгѣ, и недаромъ въ Сибири есть поговорка, что «кто въ тайгѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался». Свободно бродитъ здѣсь угрюмый медвѣдь, пробираясь сквозь чащу; озираясь, выходитъ изъ норы соболь, скачутъ съ дерева на дерево пушистыя бѣлки, и на лѣсную поляну выходитъ стройный олень; иногда по тайгѣ пронесется звонъ желѣзныхъ цѣпей; то пробирается среди дебрей ссыльно-каторжный, бѣжавшій откуда-нибудь съ завода или рудника, а, можетъ быть, и съ дальняго Сахалина. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ лѣса восточной Сибири становятся все рѣже, все малорослѣе; это неудивительно, такъ какъ нигдѣ на земномъ шарѣ, гдѣ обитаетъ только человѣкъ, не бываетъ такихъ суровыхъ и продолжительныхъ морозовъ, какъ въ восточной Сибири. Великой полосой на многія сотни верстъ протянулись сибирскіе лѣса; много рѣчныхъ притоковъ кормятъ они своею

тѣнью и сыростью, сберегая въ глухихъ трущобахъ прошлогодніе снѣга.

На вершинахъ горъ, окаймляющихъ Сибирь на югѣ и востокѣ, берутъ начало великія рѣки Сибири: Обь съ Иртышемъ, Енисей и Лена. Эти рѣки, какъ извѣстно, принадлежатъ къ величайшимъ въ свѣтѣ. Ни одна изъ европейскихъ рѣкъ, ни Дунай, ни Волга, не могутъ сравняться съ ними; дологъ ихъ путь; плавно несутъ онѣ въ Ледовитый океанъ свои обильныя воды, принимая въ себя и справа, и слѣва большіе притоки. Многоводныя сибирскія рѣки издавна служили удобными путями сообщенія; по нимъ то, то поднимаясь, то спускаясь по теченію, русскіе казаки прошли пустынныя безпредѣльныя пространства Сибири вплоть до береговъ Великаго океана. Съ горнаго хребта, идущаго берегомъ Охотскаго моря, и съ горъ Камчатскаго полуострова сбѣгаютъ быстрыя незначительныя рѣки: Охота, Бенжина и Улья. Между Становымъ хребтомъ, протянувшимся вдоль береговъ Охотскаго моря, и цѣпью Камчатскихъ горъ пробирается къ морю пустынный Анадырь съ своими мелкими притоками. Многія сибирскія рѣки, очень обильныя лѣтомъ, перестаютъ течь зимою, прерываемыя льдами, залегающими на отмеляхъ. Весной же во время таянія снѣга, рѣки, сбросивъ съ себя ледяную кору, часто выступаютъ изъ береговъ и разливаются на далекое пространство. Онѣ вскрываются не въ одинъ день на верховьяхъ и низовьяхъ, потому что Сибирь очень велика, а рѣки ея очень длинны. Было время, когда въ сибирскихъ рѣкахъ и озерахъ ловилось рыбы очень много. Но теперь это время для однѣхъ рѣкъ совсѣмъ прошло, а для дру-

гихъ проходитъ. Ледовитое море для всей сибирской рыбы—настоящій садокъ; весной по всѣмъ рѣкамъ расходится рыба, идущая изъ моря. Сибиряки — прекрасные рыболовы; они знаютъ, гдѣ и когда ловить рыбу; ловятъ ее неводами, сѣтями и всякими иными снарядами.

Путешествія водой, которыя облегчили русскимъ завладѣніе Сибирью, могутъ быть удобно совершаемы только въ средней полосѣ ея. На югѣ же этому препятствуютъ горы, которыя отдѣляютъ рѣки одну отъ другой. Но зато въ южной полосѣ Сибири нѣтъ такихъ суровыхъ зимъ, какъ въ сѣверной и средней полосахъ Сибири, и климатъ здѣсь умѣренный; благодаря плодородной почвѣ и мягкому климату, луга и склоны горъ покрыты роскошной растительностью. Многія горныя мѣстности, напримѣръ, Алтай, по своей живописной природѣ не уступаютъ Швейцаріи. Южная полоса Сибири особенно важна для Россіи тѣмъ, что въ ея горахъ находятся богатые рудники, въ которыхъ добывается въ большомъ количествѣ золото, серебро и другіе металлы.

Южные хребты горъ не даютъ хода теплому вѣтру, дующему съ юга Азіи, съ Индѣйскаго океана; они препятствуютъ теплому вѣтру хорошенько обогрѣть Сибирь. Влажные западные вѣтры, дующіе изъ Европы, тоже не попадаютъ въ нее: имъ заслоняютъ дорогу Уральскія горы. Зато путь сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ свободенъ; нѣтъ ничего, что бы могло помѣшать имъ. Леденящій вѣтеръ съ страшной силою дуетъ съ Ледовитаго океана; онъ пролетаетъ по необозримымъ лѣсамъ, по тундрамъ и заноситъ холодъ даже въ далекіе углы южной Сибири.

Чтобы понять, что можетъ сдѣлать Ледовитый океанъ съ ледянымъ вѣтромъ, стоитъ только прочесть описанія путешественниковъ, которымъ пришлось испытать сибирскую зиму: они вспоминаютъ о ней съ ужасомъ. Безконечное безмолвіе, мертвая тишина царствуютъ кругомъ. Вся природа, кажется, погружена въ глубокій сонъ: все спитъ подъ снѣгомъ; животныя забились въ свои логовища; рѣки перестали течь и вмѣстѣ съ своими берегами исчезли подъ ледянымъ покровомъ. Надъ угрюмой безпредѣльной снѣжной равниной раскинулась вѣчно ясная, безоблачная лазурь небеснаго свода. Продолжительная и суровая сибирская зима, во время которой отъ страшныхъ морозовъ трескается земля, смѣняется очень быстро весной, но за первыми чудными весенними днями уже наступаетъ холодное вѣтряное время. Оно бываетъ очень коротко: часто заморозки начинаются уже съ половины іюля; съ 10 августа листья съ деревьевъ начинаютъ падать; одна только лиственница сохраняетъ еще кой-гдѣ пучки своихъ иголъ. Случается также, что въ первыхъ числахъ августа уже выпадаетъ снѣгъ. Но не во всей Сибири, какъ мы уже видѣли, такой суровый климатъ: въ западной Сибири, напримѣръ, климатъ гораздо мягче, чѣмъ въ восточной, не говоря уже о южной части ея.

Большую часть населенія западной Сибири составляютъ русскіе переселенцы; они живутъ, преимущественно, въ мѣстностяхъ отъ Уральскихъ до Алтайскихъ горъ, гдѣ можно заниматься земледѣліемъ. Особенно много русскихъ въ предгоріяхъ Алтайскихъ горъ; въ этой плодородной мѣстности Сибири съ каждымъ годомъ населеніе все увеличи-

вается, благодаря переселенцамъ изъ разныхъ губерній Европейской Россіи; русскія селенія здѣсь богаты, народъ живетъ зажиточный. Урожаи здѣсь бываютъ очень хорошіе. Лѣса Алтая даютъ людямъ не мало богатствъ; туда жители ходятъ за сборомъ кедровыхъ орѣховъ и меда, а также охотиться на звѣрей. Сборъ орѣховъ бываетъ въ августѣ. Цѣлыя деревни отправляются въ это время въ лѣса, живутъ тамъ по недѣлямъ и вывозятъ орѣхи возами. Звѣриный промыселъ состоитъ здѣсь въ ловлѣ соболей и въ охотѣ за дикими козами, оленями и лосями. Что же касается до пчеловодства, то оно здѣсь ведется по старинному «бортевому» способу. Въ лѣсу, далеко отъ жилья, гдѣ-нибудь около рѣчки, теченіе которой скрыто въ чащѣ черемухъ, бузины и боярышника, ставятся ульи, и никто больше не заботится о пчелахъ. Хозяинъ ульевъ навѣщаетъ ихъ время отъ времени и забираетъ медъ и воскъ. Имѣть 400—500 ульевъ считается дѣломъ обыкновеннымъ, но есть и такіе хозяева, у которыхъ бываетъ ихъ до 2000. Къ сѣверу отъ русскихъ деревень встрѣчаются селенія татаръ, прежнихъ властителей западной Сибири. Еще сѣвернѣе страна почти совсѣмъ безлюдна, и только изрѣдка попадаются въ ней кочующіе дикари-остяки и самоѣды. Западная Сибирь раздѣляется на двѣ губерніи: Тобольскую и Томскую. Изъ городовъ наиболѣе значительны: Тобольскъ, Томскъ и Барнаулъ. Первый извѣстенъ торговлей рыбой, которая везется сюда съ сѣвера, съ Оби отъ остяковъ; второй считается лучшимъ городомъ западной Сибири, а въ третьемъ сосредоточено управленіе казенными алтайскими рудниками и пріисками.

Русское населеніе восточной Сибири, главнымъ образомъ, размѣстилось въ южныхъ частяхъ страны, у Саянскихъ горъ, по рѣкамъ Амуру и Уссури; большинство русскихъ состоитъ изъ ссыльныхъ и ихъ потомковъ. Ежегодно тысячи людей отправлялись сюда подъ конвоемъ, звеня кандалами, по большому сибирскому тракту. Но не мало также крестьянскихъ семей отправляется сюда добровольно изъ различныхъ губерній Европейской Россіи. Большія, людныя селенія уже возникли на берегахъ Амура и Уссури. Переселенцы скоро свыкаются съ новыми мѣстами, рубятъ лѣсъ, строятъ избы, обрабатываютъ пашни и не тоскуютъ по родинѣ «Богъ съ ней, съ родиной! — обыкновенно говорятъ они, — мы и здѣсь Россію сдѣлаемъ!» Въ настоящее время ссыльныхъ, большею частью, отправляютъ на островъ Сахалинъ, который лежитъ на югѣ Охотскаго моря и отдѣляется отъ Азіи Татарскимъ проливомъ. По западному и восточному берегу Сахалина тянутся горы. Въ промежуткѣ между горами находится равнина, по которой бѣжитъ главная рѣчка острова — Поронай. Дремучіе лѣса изъ елей, пихтъ, лиственницъ и березъ покрываютъ горы внизу; сверху же по скаламъ тянется низкорослый кедровникъ; впрочемъ, въ южной части острова растетъ много дубовъ, ясеней и кленовъ. Сахалинъ — это одинъ изъ самыхъ обширныхъ острововъ на земномъ шарѣ. Кромѣ русскихъ, живутъ здѣсь въ небольшомъ количествѣ жалкіе дикари — гиляки на сѣверѣ острова и айны на югѣ; они промышляютъ единственно рыбной ловлею, почему и селенія ихъ раскинуты по морскомъ берегу. На Сахалинѣ найдены богатыя

залежи каменнаго угля. Для Россіи этотъ островъ пока имѣетъ значеніе, лишь какъ мѣсто ссылки преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ.

Въ области тундръ восточной Сибири кочуютъ закутанные въ оленьи мѣха съ головы до ногъ юкагиры, коряки и чукчи; главное ихъ занятіе—оленеводство и рыбная ловля. Южнѣе въ тайгѣ живутъ буряты, якуты, а, главное, тунгусы—эти настоящіе лѣсовики восточной Сибири.

Тунгусы—самый многочисленный народъ изъ сибирскихъ инородцевъ. Вся собственность какъ тунгуса, такъ коряка и чукчи, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ оленей да переноснаго шатра, который строится изъ жердей, обтянутыхъ или оленьей кожей, или березовой корою.

Охота за лѣснымъ звѣремъ—вотъ единственный промыселъ тунгуса, его единственное средство къ существованію; зато, какъ охотникъ, онъ не знаетъ равнаго себѣ. Выбравъ мѣстечко въ лѣсу, гдѣ побольше оленьяго моха, тунгусъ строитъ свой шатеръ, оставляетъ въ немъ жену и дѣтей, а самъ идетъ на охоту. Одиноко бродитъ онъ въ дремучей горной тайгѣ глазъ на глазъ съ дикой и угрюмой природой. Единственнымъ спутникомъ и товарищемъ служитъ ему неутомимая лайка, обладающая охотничьими качествами. Понятно, что самая прибыльная охота бываетъ зимой, когда мѣхъ звѣря особенно красивъ и пышенъ. Въ зимнюю пору тунгусы проходятъ тайгу отъ Енисея до береговъ Охотскаго моря въ поискахъ за драгоцѣннымъ соболемъ, куницей и бѣлкой; шкурки этихъ животныхъ они сбываютъ русскимъ и китайцамъ за хлѣбъ, порохъ, свинецъ, табакъ и, къ несчастію, также за водку.

Вся восточная Сибирь раздѣляется на 2 губерніи и 4 области.

Губерніи называются *Енисейской* и *Иркутской*; главные города ихъ *Красноярскъ* и *Иркутскъ*—самый большой изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ. Области же носятъ названія: *Забайкальская*, *Якутская*, *Амурская* и *Приморская*. Въ Забайкальской области главный городъ *Чита*. *Кяхта* же—маленькій городокъ возлѣ самой китайской границы; ведетъ торговлю чаемъ. *Якутскъ*, главный городъ области того же имени, извѣстенъ своими страшными морозами. Здѣсь, главнымъ образомъ, производится мѣновая торговля съ инородцами. Самый большой городъ Амурской области – *Благовѣщенскъ*, а Приморской – *Хабаровскъ*, который лежитъ при сліяніи Амура и Уссури; этотъ городъ названъ въ честь смѣлаго казака, который первый изъ русскихъ проплылъ по Амуру почти до его устья. Полуостровъ *Камчатка* съ своимъ городомъ *Петропавловскомъ* тоже принадлежитъ къ Приморской области; къ ней же причисляется и островъ *Сахалинъ*.

Далеко не всѣ инородцы Сибири и въ настоящее время приняли православную вѣру. Много среди нихъ насчитывается язычниковъ; христіанство утвердилось въ Сибири плохо. Наряду съ нимъ у сибирскихъ инородцевъ сохранилось еще много прежнихъ языческихъ вѣрованій. Въ языческой вѣрѣ сибирскихъ инородцевъ много грубаго суевѣрія, а въ ихъ общественной и домашней жизни много дикихъ понятій и грубыхъ обычаевъ. Они вѣрятъ во множество всякихъ злыхъ и добрыхъ духовъ. По ихъ повѣрью, все дурное для человѣка придумали злые духи; болѣзни, всякія неудачи, дурная погода—

все это дѣло ихъ рукъ. Они думаютъ, что злыхъ духовъ болѣе, чѣмъ добрыхъ; притомъ же первые гораздо сильнѣе послѣднихъ. Поэтому злыхъ духовъ надо задабривать; они любятъ все то же, что и человѣкъ, и ихъ можно ублажить оленьимъ мясомъ, водкой, похлебкой. Отъ нихъ можно допытаться, гдѣ искать пропавшихъ оленей, какъ изгнать изъ тѣла болѣзнь и прочее; но для этого нуженъ особенный человѣкъ, колдунъ, или, какъ сами сибирскіе инородцы называютъ, шаманъ. Шаманомъ называется тотъ человѣкъ, который, по ихъ убѣжденію, имѣетъ сношеніе съ злыми духами; не всякій рѣшится сдѣлаться шаманомъ, такъ какъ, по ихъ повѣрью, каждый шаманъ послѣ смерти попадаетъ во власть нечистой силы; шаманы обыкновенно носятъ особенные костюмы и при звукахъ бубенъ или барабана пророчествуютъ отъ лица боговъ; шаманы же и лѣчатъ заболѣвшаго дикаря; на шаманахъ также лежитъ обязанность совершать жертвоприношенія; ихъ уважаютъ и считаютъ за необыкновенныхъ людей. У многихъ сибирскихъ инородцевъ и донынѣ имѣются деревянные и каменные идолы; они представляютъ изъ себя небольшія куклы, которыхъ инородцы одѣваютъ, какъ себя, и мажутъ имъ губы лучшей ѣдой. Они приставляютъ иногда эти куклы къ ловушкамъ на звѣрей, для удачи, или къ пасущимся оленямъ—охранять ихъ отъ волковъ. И если эти идолы дурно служатъ, по мнѣнію дикарей, то ихъ бросаютъ и дѣлаютъ новые. По повѣрью сибирскихъ инородцевъ, загробная жизнь подобна земной, и они заботятся, чтобы покойникъ ни въ чемъ не нуждался. Поэтому съ нимъ вмѣстѣ въ могилу кладутъ его промысловые снаряды.

Покойниковъ они боятся и при погребеніи принимаютъ разныя мѣры, чтобы покойникъ не вернулся съ того свѣта.

Многіе изъ инородцевъ Сибири крещены.

Одни изъ сибирскихъ инородцевъ ведутъ осѣдлую жизнь, а другіе кочевую; осѣдлые занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ и живутъ, большею частью, въ Западной Сибири; но и здѣсь встрѣчаются кочующія племена, напримѣръ, остяки, самоѣды. Въ восточной же части обитаютъ кочующія инородческія племена. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, якуты и буряты занимаются скотоводствомъ; они разводятъ молочный скотъ и занимаются торговлей; остальныя же инородцы занимаются охотой на звѣря и птицу. Домашніе олени составляютъ главное богатство инородцевъ восточной Сибири; они издавна приручили ихъ, и чѣмъ только они имъ не служатъ! Оленя трудно чѣмъ-либо замѣнить для кочевника при бездорожьи въ сибирскихъ лѣсахъ и тундрахъ; на нихъ ѣздятъ верхомъ, запрягаютъ ихъ въ легкія сани. Мѣхъ оленя защищаетъ инородца отъ стужи; изъ оленьей шкуры онъ дѣлаетъ себѣ не только одежду и обувь, но и шалаши. Оленьимъ же мясомъ, главнымъ образомъ, и кормятся сѣверные инородцы. Если у нихъ пропадаютъ олени, то пропадаетъ и весь охотничій промыселъ. При охотѣ нужно кочевать съ мѣста на мѣсто, отыскивая звѣря, а безъ оленей охотники не могутъ уже перекочевывать, какъ прежде; падежъ оленей есть настоящая бѣда для инородца сѣверной Сибири, которая доводитъ его до полной нищеты.

Эти инородцы, вообще, люди добрые, гостепрі-

имные, и при нуждѣ всякій изъ нихъ готовъ подѣлиться, чѣмъ можетъ — оленями, жильемъ, добычей. Обѣдпѣвшій человѣкъ иногда по мѣсяцамъ живетъ гостемъ у земляка, пока дѣла его не поправятся.

Съ началомъ зимы, когда вскроются рѣки, сѣверные инородцы изъ своихъ зимнихъ лѣсныхъ стоянокъ уходятъ въ тундру; ихъ привлекаетъ сюда обиліе налетѣвшей дичи; владѣльцы оленей ведутъ туда свои стада на болѣе спокойное пастбище. Являются они сюда съ семьями, со всѣми пожитками. Кромѣ охоты на звѣря и птицу, они занимаются рыболовствомъ. Въ восточной Сибири хлѣбопашествомъ по настоящему занимаются лишь въ южной части Енисейской и Иркутской губерній. Сѣютъ болѣе всего рожь озимую и яровую, пшеницу и овесъ; затѣмъ сѣютъ ячмень, гречу, полбу, просо, горохъ, коноплю.

Что касается западной Сибири, то здѣсь скотоводство служитъ лишь подмогой хлѣбопашеству — главному занятію жителей. Какъ особымъ промысломъ, имъ мало занимаются. Но тѣмъ не менѣе скота здѣшніе жители держатъ помногу, потому что тамъ сѣнокосныхъ угодьевъ куда больше, чѣмъ пахотныхъ земель. Было время, когда въ западной Сибири совсѣмъ не было ни русскихъ, ни татаръ, а жили одни дикари. Они занимали всѣ лучшія мѣста и почти не занимались хлѣбопашествомъ, а жили звѣриной да рыбной ловлей. Когда Сибирь лѣтъ 400 тому назадъ завоевали татары, то многихъ дикарей избили, а другимъ пришлось переселяться сѣвернѣе въ лѣса да болота. Народы эти и до сего времени живутъ тамъ. Когда на татаръ напали русскіе, то и съ татарами случилось то

же, что и съ дикарями: много татаръ совсѣмъ выселились въ западную Сибирь, а другіе стали жить въ лѣсной полосѣ. На лучшихъ земляхъ поселились русскіе и стали заниматься хлѣбопашествомъ. Инородческія племена, которыя живутъ въ западной Сибири, исповѣдуютъ разную вѣру Изъ остяковъ и самоѣдовъ много язычниковъ, или идолопоклонниковъ. Изъ вогуловъ тоже есть язычники. Теперь хотя вогулы и большая часть остяковъ приняли православіе, но они въ то же время поклоняются идоламъ и не могутъ отстать отъ вѣры своихъ отцовъ. Что касается татаръ западной Сибири, то всѣ они магометане; они крѣпко держатся своей вѣры, и рѣдко кто изъ татаръ переходитъ въ православіе.

Таковы общія черты обстановки и понятій разбросанныхъ по Сибири инородческихъ племенъ. О жизни рускихъ поселенцевъ въ Сибири мы подробнѣе разскажемъ ниже.

Теперь перейдемъ къ исторіи Сибири: посмотримъ, что представляла изъ себя эта страна до завоеванія ея русскими, и какимъ образомъ русскому народу удалось завоевать великую сибирскую землю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что такое представляла изъ себя Сибирь до завоеванія русскими. Постепенное движеніе русскихъ на сѣверо-востокъ. Новгородцы. Строгоновы.

Не всегда Россія была такой обширной страной, какой мы ее знаемъ теперь. Было время, когда она была гораздо меньше. Только лѣтъ триста тому на-

задъ была присоединена къ ней великая сибирская страна. Это случилось въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. До этого времени мало знали про Сибирь, хотя и ходили въ народѣ разные удивительные разсказы про земли лежащія за «Каменнымъ Поясомъ», или по-просту за Уральскими горами. Сибирью называли въ тѣ далекія времена все, что лежало за Камою къ сѣверу и востоку. Про народности, которыя населяли Сибирь, тоже знали немного; «и остякъ, и тунгузъ, и вотякъ, и киргизъ—все это была нехристь «чудь заблудящая», «басурманы изъ Сибири». Жители Сибири были и осѣдлые, и кочевые, и бродячіе. Сибирцы вообще вели жизнь, какую мы и нынче встрѣчаемъ среди полудикихъ языческихъ племенъ: они занимались ловлею пушныхъ звѣрей въ непроходимой тайгѣ; на тучныхъ степяхъ пасли свои стада; производили мѣну звѣриными шкурами съ сосѣдними народами и занимались, гдѣ позволяла природа, хлѣбопашествомъ. Еще въ половинѣ XVI вѣка извѣстно было, напримѣръ, что татары по Тоболу пашни пашутъ сохами. Природные туземные жители Сибири были вогулы, остяки, самоѣды, тунгузы и другія мелкія инородческія племена; всѣ они были язычники. Прочіе были люди пришлые, не туземцы; это были тюркскія племена, которыя исповѣдывали магометанскую религію: тутъ были и татары, и ногаи, и киргизы, и бухарцы и другіе выходцы изъ средней Азіи. Эти племена цѣлыми полчищами ворвались въ Сибирь, прогнали коренныхъ жителей въ страны холодныя, сѣверныя, а сами заняли всѣ лучшія земли. Въ XVI вѣкѣ по Сибири стало сильно распространяться магометан-

ство, такъ какъ тюркскія племена господствовали въ это время въ Сибири и порабощали туземцевъ. Уже въ XVI вѣкѣ существовало въ Сибири татарское ханство, столицей котораго былъ городъ Сибирь или, какъ его еще называютъ, Искеръ; этотъ городъ, лежавшій въ тридцати верстахъ отъ теперешняго Тобольска, находился на рѣкѣ Иртышѣ; въ немъ жили и властители сибирскаго царства. Впервые Московское правительство узнало, что такое Сибирь и кто въ ней живетъ, при такихъ обстоятельствахъ:

Сотни четыре лѣтъ назадъ, при Московскомъ великомъ князѣ Иванѣ III, московскіе воеводы, зимой, съ великимъ трудомъ перешли черезъ теперешнія Уральскія горы. Онѣ показались имъ ужасно высокими. За горами встрѣтили русскіе югорскихъ князьковъ. «Ѣхали князьки въ саняхъ, на оленяхъ. Царскіе воеводы не хотѣли кончить дѣло миромъ, схватили ихъ и пошли разорять югорскіе городки. Разорили до сорока городковъ, много князьковъ въ Москву отослали». Но хотя югорскіе князьки и и признали за собой власть Ивана III, но однако неисправно платили дань (ясакъ); татарскіе князья могли имѣть надъ ними силы больше, чѣмъ русскіе. Прошло нѣкоторое время, и новгородская торговля мѣхами съ жителями Югорской страны была перехвачена московскими поселенцами. Имѣя дѣла съ сибирскими инородцами, русскіе неминуемо должны были столкнуться съ татарами, которые держали Югорскую страну въ рукахъ. Такъ и случилось. Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго (внука Ивана III) сибирскій князь Едигеръ поздравилъ русскаго царя съ царствомъ Астраханскимъ

и Казанскимъ и билъ челомъ, чтобы царь взялъ въ свое имя всю землю Сибирскую и заступилъ отъ всѣхъ непріятелей, положилъ на нихъ дань свою и прислалъ своего человѣка для сбора ея. Едигеръ обязывался быть у царя въ холопствѣ и платить каждый годъ всю дань сполна. Но не трудно понять, что такая зависимость Сибирскаго царства отъ московскаго царя не могла быть прочною. Едигеръ поддался русскому царю для того, чтобы имѣть отъ него помощь противъ своихъ недруговъ, а между тѣмъ ему трудно было разсчитывать на дѣйствительную помощь по самой отдаленности его владѣній отъ московскаго царя, его защитника. Съ другой стороны, эта же отдаленность умаляла страхъ во врагахъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ царствомъ. При томъ же, въ случаѣ нужды они могли умилостивить русскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь, подчинявшійся ему. Такъ смотрѣлъ на это и самъ Едигеръ: онъ говорилъ одному изъ русскихъ людей: «Теперь, собирая дань, къ государю вашему пословъ отправляю. Теперь у меня война съ казацкимъ царемъ (киргизъ-кайсацкимъ). Одолѣетъ меня царь казацкій, сядетъ на Сибири; но и онъ государю станетъ дань давать». Какъ говорилъ Едигеръ, такъ дѣйствительно, и случилось Князь Кучумъ, явившійся изъ киргизскихъ степей, разбилъ Едигерово войско, а брата его Бекбулата убилъ и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ Царь Іоаннъ Васильевичъ сталъ требовать съ Кучума дани. Новый царь сибирскій обязался было платить дань, но потомъ, когда пріѣхалъ къ нему царскій посолъ, Кучумъ убилъ его.

Этимъ и закончились на первый разъ зависимость Сибирскаго царства отъ Москвы, не имѣвшая прочныхъ основаній. Недолго однако Сибирское царство пользовалось независимостью, и покоренію его способствовали богатые промышленники Строгоновы, главные заселители Пермскаго края, примыкающаго къ Уральскому хребту.

Строгоновы были уроженцы Ростовскаго края; это были богатые купцы; въ отличку отъ другихъ назывались они *именитыми* людьми. Уже въ XV вѣкѣ Строгоновы обладали большимъ богатствомъ. Извѣстно, что они выкупили великаго князя Василія Васильевича Темнаго, который попался въ плѣнъ къ казанскимъ татарамъ. Въ благодарность за это, Василій Темный отдалъ Строгоновымъ въ оброчное содержаніе большое количество земли на сѣверовостокѣ. Позднѣе, при сынѣ Іоанна III, Василіи Іоанновичѣ, Строгановы получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Въ царствованіе Іоанна Грознаго одинъ изъ Строгоновыхъ, а именно, Григорій Аникіевъ, билъ царю челомъ и сказывалъ, что по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы *), до рѣки Чусовой, есть мѣста пустыя, дикія, никѣмъ не обитаемыя, для всѣхъ безполезныя. «До сихъ поръ,—говорилъ онъ,—на этомъ мѣстѣ пашни не паханы, дворы не ставали, и въ царскую казну не поступало никакой пошлины, и теперь эти земли не отданы никому». Григорій Строгоновъ просилъ позволенія искать здѣсь разсолъ, варить соль, призывать работниковъ и рубить лѣса; но при этомъ обязывался ставить дворы, построить

*) Главный притокъ Волги съ лѣвой стороны.

на свой счетъ городокъ, имѣть при немъ пушки и защищать русскую землю отъ нападенія зауральскихъ народовъ. Мѣсто было незнакомое; велѣно было навести справки. Оказалось, что земля эта точно пустуетъ, и что съ нея ни теперь, ни прежде никакихъ пошлинъ въ царскую казну не поступало. А между тѣмъ сдѣлка съ Строгоновыми была выгодна для царя. Иванъ Грозный исполнилъ просьбу Григорія Строгонова и отдалъ ему эту землю съ тѣмъ, чтобы онъ не принималъ къ себѣ изъ другихъ городовъ людей «тяглыхъ» *) и «письменныхъ» **); запрещалось также принимать воровъ, боярскихъ людей, разбойниковъ. Дозволено было Строгонову на свой счетъ строить острожки (маленькія крѣпости), держать нарядъ (пушки) и ратныхъ людей. Ставить варницы, варить соль, ловить по рѣкамъ и озерамъ рыбу Строгоновъ могъ безоброчно; но если будетъ найдена серебряная, мѣдная или оловянная руда, то онъ обязывался извѣстить объ этомъ царскихъ казначеевъ и не разрабатывать ея безъ царскаго вѣдома. Земля была отдана въ пользованіе на двадцать лѣтъ. Съ купцовъ и прочихъ людей, которые будутъ проѣзжать по той землѣ, запрещалось брать пошлину. Григорію Строгонову было также дано право судить своихъ слобожанъ вѣдать ихъ дѣла.

Прикамская пустынная сторона составляла окраину или украйну тогдашней Руси, на нее дѣлали набѣги зауральскіе и пріуральскіе народы. Хотя русское правительство давало льготныя грамоты поселенцамъ этихъ далекихъ мѣстъ, но оно не могло

*) Обязанныхъ платить подать.
**) Приписанныхъ къ извѣстному мѣсту.

защищать ихъ отъ нападеній враждебныхъ сосѣдей; поселенцамъ приходилось защищаться самимъ своими средствами. Само-собою разумѣется, что это было доступно только для такихъ поселенцевъ, которые обладали обширными средствами. Отсюда понятно важное значеніе Строгоновыхъ, которые благодаря своимъ средствамъ могли заселить Прикамскую страну и приблизить русскія поселенія къ Уралу; а со временемъ оказалось возможнымъ распространить ихъ и за Уралъ. Первый острожекъ, поставленный Строгоновымъ, былъ Канкоръ; черезъ пять лѣтъ одного городка оказалось мало, и Григорій Строгоновъ билъ царю челомъ, чтобы онъ разрѣшилъ ему поставить другой городокъ въ двадцати верстахъ отъ Канкора. Тутъ былъ найденъ разсолъ. Царь исполнилъ эту просьбу, и явился новый городокъ со стѣнами въ тридцать саженъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, братъ Григорія Строгонова Яковъ просилъ царя, чтобы имъ было додано земли еще на двадцать верстъ къ прежнему пожалованію; онъ обязывался также построить на свой счетъ крѣпостцы съ скорострѣльнымъ нарядомъ. И эта просьба была исполнена царемъ, и ему была отдана земля на прежнихъ условіяхъ. Строгоновы были люди умные и предпріимчивые. Рабочій людъ шелъ къ нимъ охотно, потому что житье у нихъ было хорошее. Разбогатѣли именитые люди еще больше; стали они подумывать, какъ бы пробраться за Уральскіе горы, въ Югорскую страну, про которую, какъ мы видѣли, ходило столько разсказовъ, и откуда шли къ намъ дорогіе мѣха разныхъ звѣрей. Черно-бурыя лисы да соболи соблазняли Строгоновыхъ. Земли Строгоновыхъ нерѣдко терпѣли отъ набѣговъ

сибирскихъ народцевъ и нерѣдко причиняли большой ущербъ. Въ 1573 году двинулся на Строгоновыхъ царевичъ сибирской земли Махметкулъ; одни называютъ его сыномъ, а другіе племянникомъ Кучума. Но, не доходя пяти верстъ до строгоновскихъ городковъ, онъ повернулъ обратно, такъ какъ испугался слуховъ про большое количество ратныхъ людей. На своемъ пути онъ побилъ много остяковъ, московскихъ данниковъ, увелъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и убилъ царскаго посланника, который шелъ въ киргизъ-кайсацкую орду. Этимъ-то случаемъ и воспользовались Строгоновы. Увѣдомивъ царя о нападеніи сибирскаго царевича, они высказывали сожалѣніе, что не смѣютъ безъ царскаго вѣдома послать своихъ наемныхъ казаковъ противъ враждебныхъ сибирскихъ народцевъ; они прибавляли къ этому, что зауральскіе остяки просятъ, чтобы русскій царь оборонялъ ихъ отъ сибирскаго хана; за это они обязывались съ своей стороны платить ему дань. Поэтому Яковъ и Григорій Строгоновы просили Государя дозволить имъ на рѣкѣ Тоболѣ и по его притокамъ въ мѣстахъ, гдѣ они найдутъ удобнымъ, строить крѣпостцы, нанимать ратныхъ людей и держать на свой счетъ огненный нарядъ; они добавляли въ своемъ челобитьи, что просятъ разрѣшить въ тѣхъ мѣстахъ вырабатывать желѣзо, пахать пашни и пользоваться угодіями. Иванъ Грозный далъ имъ льготную грамоту, подобную той, которую они получили на камскія земли; онъ дозволялъ имъ итти за Уралъ, строить крѣпостцы, покупать огненный нарядъ, вспахивать и засѣивать поля. Ивану Грозному было на самомъ дѣлѣ выгодно дать Строгоновымъ грамоту съ прежними льго-

тами; онъ это отлично понималъ и потому нисколько не препятствовалъ ихъ желанію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ Строгоновымъ право вести войну не только оборонительную, но также и наступательную; именно, имъ разрѣшалось посылать ратныхъ людей на «сибирскаго салтана», брать сибирцевъ въ плѣнъ и дѣлать ихъ данниками московскаго царя. Въ сущности говоря, эта наступательная война была необходима; прежде, чѣмъ взять въ свое владѣніе землю за Ураломъ и завести въ ней промыслы, надо было отвоевать ее отъ «сибирскаго салтана», который считалъ ее своею собственностью. Все затрудненіе Строгоновыхъ заключалось въ томъ, что у нихъ было мало ратныхъ людей; на прикамскихъ инородцевъ-остяковъ, вогуловъ, черемисъ и другихъ — нельзя было расчитывать; это были люди ненадежные и не воинственные. Но тутъ Строгоновымъ помогли казаки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Откуда на Руси появились казаки. Ермакъ Тимофеевичъ. Приготовленія къ походу на Сибирское царство.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ Московскаго государства являются еще съ XV вѣка «вольные, гулящіе люди, охочіе до войны, — казаки». Слово казакъ татарское и означало сперва «вольнаго, бездомнаго бродягу», а впослѣдствіи низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ такихъ бродягъ. Одни изъ казаковъ жили по станицамъ: это были казаки городовые. Они несли государеву службу, обороняя границы земли русской отъ нападеній

разбойничьихъ татарскихъ шаекъ. Другіе, въ полномъ смыслѣ, были вольныя «степныя птицы», уходили изъ подъ всякаго надзора, «гуляли» въ степномъ раздольѣ, нападали на свой страхъ на татаръ, грабили ихъ, охотились въ степи, рыбачили по рѣкамъ, разбивали иноземные купеческіе караваны, да и русскимъ купцамъ порою спуску не давали; казаки величали себя людьми «вольнымп», т.-е. такими, «которые пожалуй не прочь и послушаться русскаго царя, только если это имъ выгодно, а если нѣтъ, такъ сдѣлать по своему». Постоянное сосѣдство съ кочевыми народами степей не располагало казаковъ къ мирнымъ занятіямъ. Кто не доволенъ былъ жизнью въ московской Руси, тотъ шелъ къ казакамъ, у которыхъ завелись свои порядки. Тамъ выбирались атаманы (старшіе), а общія дѣла рѣшались въ кругахъ, причемъ казаки сходились и совѣтовались между собой. Шайки такихъ казаковъ гуляли и по Дону, и по Волгѣ, и по Яику (Уралъ). Уже при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ рязанскіе казаки хорошо знали мѣста по Дону; а при сынѣ Василія они здѣсь утверждаются, принимаютъ отъ мѣста названіе Донскихъ, становятся страшны ногаямъ, крымцамъ и азовцамъ. Впрочемъ, донскіе казаки состояли не изъ однихъ только жителей Рязанской области: на Донъ шли также и жители сѣверной украйны, издавна славившіеся своей отвагой. Равнымъ образомъ и городовые казаки, которые находились на царской службѣ, провинившись въ чемъ нибудь, уходили на Донъ, гдѣ встрѣчали всегда радушный пріемъ и увеличивали собой толпы буйной вольницы. На жалобы ногайскаго хана, что казаки, несмотря на

то, что онъ въ мірѣ съ Москвой, грабятъ татарскихъ купцовъ на Дону, царь отвѣчалъ:

«Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобы ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ, и которыхъ добудемъ, тѣхъ казнимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать и, переловивши, къ намъ присылали. А купцы ваши дорогою береглись бы сами, потому что самъ хорошо знаешь: на полѣ, въ степи всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ».

И, дѣйствительно, изловить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ «воровскихъ» казаковъ, какъ ихъ звали, было очень мудрено. Казаки какъ было уже сказано, нападали не на однихъ ногаевъ, крымцевъ и азовцевъ, но нерѣдко они грабили и царскія суда, убивали людей, нападали на персидскихъ и бухарскихъ пословъ и русскихъ торговыхъ людей.

Не стало отъ казаковъ свободнаго хода по Волгѣ. Пошли жалобы на непорядки, грабежи. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей; казаковъ ловили и казнили; другіе по выраженію лѣтописца, разбѣжались, какъ волки. Особенно сильно шалила одна большая шайка, чуть не изъ 1000 человѣкъ, атаманами которой были: Ермакъ Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловичъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Все это были молодцы, прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду, не знавшіе страха. Когда услыхалъ Ермакъ съ товарищами о томъ что

царь войско на нихъ посылаетъ, то они поспѣшили перебраться на рѣку Каму, гдѣ была родина Ермака. Слышалъ и онъ много про Сибирское царство и про то, что Кучумъ дани русскому царю не платитъ; захотѣлось ему попытать счастья на чужой сторонѣ. Услыхали Строгоновы, что въ ихъ земли пришли казаки, и просили они у нихъ защиты сперва отъ вогулъ и татаръ, а потомъ показали имъ царскую грамоту, по которой позволялось строить за Уральскими горами острожки и селить людей; Ермака съ товарищами это раззадорило.

Заманчивымъ казалось имъ присоединить къ русскому царству еще новую землю. Но бѣда была въ томъ, что у казаковъ не было ни денегъ, ни необходимыхъ припасовъ; но все это обѣщались дать Строгоновы. Ермакъ съ своей дружиной съ радостью согласился на предложеніе именитыхъ людей и рѣшился перейти Уральскія горы и покорить Сибирское царство.

Крѣпкій, отважный былъ этотъ человѣкъ. Росту онъ былъ средняго; борода у него была черная, волосы кудрявые, а глаза такіе свѣтлые да быстрые, что, кажется, въ душу каждому онъ имъ глядитъ. Ни сильнѣй, ни умнѣй его не было никого во всей его шайкѣ. Роду онъ былъ самаго простого. «Дѣдъ его былъ посадскій (мѣщанинъ) человѣкъ, жилъ въ скудости въ городѣ Суздалѣ, насилу пропитаніе доставалъ. Звали его Аѳанасьемъ Григорьевичемъ, по прозвищу Аленинымъ». Переѣхалъ этотъ Аѳанасій во Владиміръ, обзавелся лошаденками и сталъ извозничать. Свелъ онъ знакомство съ муромскими разбойниками и сталъ ихъ возить. Возилъ не долго:

вмѣстѣ съ ними въ тюрьму попалъ. А у него росли два сына, Родіонъ и Тимоѳей.

Посидѣлъ Аѳанасій въ тюрьмѣ и бѣжалъ оттуда. Захватилъ своихъ дѣтей, жену и переѣхалъ жить въ уѣздъ Юрьевца Повольскаго. Тутъ онъ умеръ. Дѣти остались совсѣмъ безъ хлѣба. Прослышали они, что на рѣкѣ Чусовой, въ вотчинахъ Строгоновыхъ, можно хлѣбъ зарабатывать; они переѣхали сюда и назвались Повольскими. У Родіона родились --Дмитрій да Лука, а у Тимоѳея — Гаврила, Фролъ и Василій. Василій былъ особенно боекъ, силенъ и рѣчистъ. Нанялся онъ на барки (струги) работать и ходилъ по Волгѣ и Камѣ. Работа эта наскучила ему. Затосковалъ онъ по вольной жизни, гдѣ бы можно было ему удаль свою развернуть. Думалъ, думалъ, да и ушелъ къ донскимъ казакамъ. Тѣ были люди вольные, и жить съ ними было одно веселье. Называться онъ сталъ не Василіемъ, а Ермакомъ. Такъ его товарищи прозвали, когда онъ еще ходилъ на баркахъ. «Какъ артельный таганъ называли *ермакомъ*, такъ и Василія Ермакомъ прозвали, потому что онъ былъ въ ихъ артели кашеваромъ». Такъ онъ на всю жизнь Ермакомъ и остался.

Сталъ Ермакъ казакомъ. За удаль выбрали его старшиной Качалинской станицы и велѣли ему охранять рубежъ отъ Астрахани до Дона. Но Ермакъ не успѣлъ долго и у донскихъ казаковъ. Набралъ онъ себѣ молодцовъ на подборъ изъ казаковъ и ушелъ на Волгу. Государеву ли казну везли, купцы ли свои товары, послы ли чужеземные ѣхали къ царю, либо отъ царя,—Ермакъ суда останавливалъ и выбиралъ изъ нихъ добро. Царь услыхалъ про

разбои Ермака и присудилъ его къ смертной казни и еще четырехъ атамановъ, которые подъ началомъ у Ермака были.

Вотъ тогда-то онъ и скрылся на р. Каму. Тутъ, какъ мы говорили, сошелся онъ со Строгановыми и отсюда двинулся завоевать Сибирское царство. «Если будетъ мнѣ удача въ Сибири, размышлялъ онъ, пожалуй, и завоевать ее можно будетъ. Тогда и у царя заслужу и у добрыхъ людей. Станутъ добромъ поминать меня, а не лихомъ». Набралось у Ермака передъ походомъ болѣе восьмисотъ человѣкъ; всѣмъ имъ было роздано оружіе и съѣстные припасы. Помощникомъ себѣ Ермакъ выбралъ Ивана Кольцо; это былъ смѣлый и умный человѣкъ. Медлить было нечего: лодки были готовы и осмолены. Въ числѣ огнестрѣльныхъ оружій были у казаковъ и легкія небольшія пушки; а въ числѣ отправлявшихся было трое священниковъ и нѣсколько толмачей (переводчиковъ). Послѣ напутственнаго молебна Строгановы наказали казакамъ «идти, съ миромъ очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума». Это происходило въ сентябрѣ 1581 года; Ермакъ съ своей дружиной сѣлъ въ лодки и поплылъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ермакъ съ своей дружиной въ Сибири. Побѣды казаковъ. Ермакъ отправляетъ посольство къ Іоанну Грозному. Смерть Ермака и неудачи казаковъ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отправляетъ въ Сибирь своихъ воеводъ съ ратными людьми. Окончательное присоединеніе Сибири къ русскому государству.

Четыре дня плыли казаки на стругахъ по р. Чусовой вплоть до устья р. Серебряной. А Чусовая—рѣка быстрая, каменистая. Такъ какъ приходилось плыть противъ теченія, то казаки подвигались впередъ очень медленно; они часто причаливали къ берегу и подолгу отдыхали. Когда, послѣ долгаго плаванія, они изъ Чусовой выплыли на рѣку Серебряную, то здѣсь имъ пришлось плыть среди Уральскихъ горъ, которыя снизу покрыты частымъ лѣсомъ, а верхушки ихъ, совершенно обнаженныя, уходятъ подъ самыя облака. Два дня плыли казаки этой рѣкой и остановились на отдыхъ.

— Ну, братцы, — сказалъ Ермакъ своимъ товарищамъ,—давайте-ка построимъ здѣсь городокъ. До сихъ поръ мы мало людей встрѣчали; да и тѣ, которые намъ попадались, вреда намъ никакого не дѣлали—все больше глядѣли на насъ. А дальше что будетъ—Богъ вѣсть! Если погонятъ, упаси Богъ, насъ назадъ, намъ не будетъ тогда, гдѣ укрыться.

Одобрили казаки слова атамана и принялись за работу; они построили тутъ земляной городокъ (крѣпость), а потомъ, вытащивъ свои лодки изъ воды, поволокли ихъ по землѣ до небольшой рѣки, впадающей въ рѣку Тагиль; отсюда они спустились

въ рѣку Туру, притокъ Тобола. Здѣсь начиналось Сибирское царство.

— Теперь намъ надо держать ухо востро, — предостерегалъ Ермакъ своихъ казаковъ, — здѣсь стало людиѣе. Прежде все бродячій народъ мы встрѣчали — имъ что?.. нынѣ здѣсь, завтра тамъ, стоитъ только стадо перегнать съ одного мѣста на другое, да становища перенести. А тутъ пошелъ народъ земледѣлецъ, онъ станетъ за землю свою стоять.

И, дѣйствительно, до этихъ мѣстъ казаки не встрѣчали никакой помѣхи: земля была дикая, почти совсѣмъ безлюдная: рѣдко рѣдко, когда попадались имъ навстрѣчу люди. По рѣкѣ же Турѣ стало людиѣе; вогулы, остяки и татары, которые жили въ этихъ мѣстахъ, были люди осѣдлые, пахотные. Властвовалъ надъ ними въ тѣ времена князь Епанча, подданный султана Кучума.

Впервые встрѣтили здѣсь казаки городокъ, въ которомъ жилъ Епанча. Замѣтивъ на рѣкѣ казаковъ, онъ собралъ своихъ людей, привелъ ихъ на берегъ и приказалъ стрѣлять въ нихъ стрѣлами. Казаки зарядили свои ружья и выстрѣлили. Нѣсколько человѣкъ изъ татаръ были убиты, а остальные разбѣжались, кто куда: никогда еще они не видѣли огнестрѣльнаго оружія. Ермакъ съ своей дружиной причалилъ къ берегу: вышли они изъ лодокъ и пустились въ погоню за татарами. Многихъ перебили, городокъ разорили и пожгли нѣсколько татарскихъ деревень (улусовъ). Отсюда казаки двинулись дальше; гдѣ встрѣтятъ, бывало, татаръ, сейчасъ же начнутъ въ нихъ стрѣлять; а татары съ своими стрѣлами ничего противъ казаковъ не могли подѣлать. Когда казаки доплыли до

р. Тавры, то здѣсь повстрѣчали они толпу татаръ; имъ удалось захватить нѣсколькихъ человѣкъ въ плѣнъ; среди плѣнниковъ попался и татарскій князекъ, по имени Таузакъ. Ермакъ принялся его разспрашивать объ имени и родѣ.

— Я—Таузакъ, состою при царѣ, Кучумѣ, отвѣчалъ татаринъ.

— Разскажи мнѣ все, что знаешь про Кучума царя и я тебя пальцемъ не трону и отпущу. А если не скажешь правды, велю тебя убить. Вонъ, погляди, какіе у насъ снаряды.

Тутъ Ермакъ велѣлъ казакамъ поставить желѣзную кольчугу и стрѣлять въ нее. Пули такъ насквозь ее и пропизывали. Таузакъ испугался и разсказалъ Ермаку, что Кучумъ живетъ въ городѣ Сибири, а что городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Иртышѣ. Самъ Кучумъ теперь слѣпъ, но онъ сильный царь и всѣхъ держитъ въ страхѣ. Въ Сибири, по его словамъ, царствовалъ прежде не Кучумовъ родъ, а были тамъ свои князья. Но Кучумъ пришелъ и побѣдилъ сибирскіе народы и убилъ прежнихъ князей. Оказалось, что у Кучума подъ начальствомъ много князьковъ, которые платятъ ему дань. Самымъ храбрымъ воиномъ въ его царствѣ считается его родственникъ Махметкулъ. «Кучума царя, продолжалъ Таузакъ, многіе не любятъ за то, что онъ сталъ насильно вводить Магометову вѣру. Есть у него войско и всякихъ снарядовъ боевыхъ достаточно, а только нѣтъ у него такихъ вотъ луковъ, какъ вашп. А были бы у него такіе лукп, онъ чудеса бы надѣлалъ. Подданные его съ бухарцами торгуютъ: пріѣзжаютъ они къ намъ изъ своей земли съ разными товарами и берутъ у насъ

мѣха. А итти къ Сибири вамъ теперь Тавдою рѣкою, а Тавда въ Тоболъ вошла; стало быть пойдете вы Тоболомъ, а изъ Тобола прямо въ Иртышъ,— тутъ въ скорости и Сибирь будетъ».

Разузналъ все это Ермакъ и говоритъ Таузаку: «Ну, ступай теперь къ Кучуму, да скажи ему, что я скоро въ гостяхъ у него буду».

Таузакъ пришелъ къ Кучуму и разсказалъ ему про русскихъ, про то, что у нихъ такіе луки, какихъ у татаръ никогда не бывало. «Когда стрѣляютъ, говорилъ онъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается; стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; защититься отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя,—все на-вылетъ пробиваютъ».

Приходъ русскихъ ужасно поразилъ Кучума, а чудеса, которыя ему объ нихъ разсказывали, заставили его призадуматься.

Собравъ рать, Кучумъ послалъ ее противъ Ермака, назначивъ начальникомъ надъ ней Махметкула. Между тѣмъ на р. Тоболѣ, въ узкомъ мѣстѣ, Ермакъ встрѣтился съ татарской ратью; Ермакъ съ казаками вышелъ на берегъ и бросился на татаръ. Тѣ стали было драться, да видятъ, что имъ не справиться съ русскими и бросились бѣжать, а Ермакъ съ своей дружиной поплылъ далѣе. Тихо двигались внизъ по Тоболу казаки, и не разъ приходилось имъ выстрѣлами разгонять толпы татаръ. Кучумъ, однако, не бездѣйствовалъ: онъ послалъ Махметкула съ большимъ войскомъ въ десять тысячъ человѣкъ впередъ, навстрѣчу казакамъ, а самъ расположился станомъ на извилистомъ берегу р. Иртыша, близъ нынѣшняго города

Тобольска, подъ горою Чувашьею; онъ устроилъ здѣсь засѣку, которая состояла изъ земляного вала, укрѣпленнаго глыбами камней.

— «Если, говорилъ Кучумъ, Махметкулъ не справится съ русскими, тогда я самъ выйду изъ Сибири, засяду въ засѣку, не пущу ихъ въ городъ и всѣхъ перебью».

Махметкулъ встрѣтился съ казаками на берегахъ р. Тобола; между врагами завязалась кровопролитная сѣча, которая продолжалась цѣлыхъ пять дней. Вначалѣ казаки было смутились, замѣтивъ громадныя толпища татаръ, которыя съ крикомъ и шумомъ двигались на нихъ. Казалось, пасталъ послѣдній часъ для казаковъ, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное. Ермаку удалось ободрить свою дружину. Долго бились казаки съ татарами... И тѣмъ и другимъ пришлось плохо. Въ концѣ-концовъ татарская рать не устояла противъ казацкихъ ружей, и Махметкулъ со своими воинами обратился въ бѣгство. Казаки же, отдохнувъ нѣкоторое время послѣ жаркой сѣчи, пустились далѣе въ путь по р. Тоболу и вскорѣ примѣтили на берегу этой рѣки татарскій городокъ. Князекъ этого городка былъ человѣкъ отважный; онъ вывелъ своихъ татаръ противъ Ермака, и завязалась горячая битва. Казаки на голову разбили татарское войско, разорили ихъ городокъ, забрали изъ него много золота, серебра и меду, нагрузили захваченной добычей свои лодки и снова пустились въ путь. Возлѣ самаго устья р. Иртыша, гдѣ впадаетъ въ него р. Тоболъ, Ермакъ и его дружина опять замѣтили множество пѣшихъ и конныхъ татаръ. Опять завязалась жестокая битва. Хорошо бились татары,

крѣпко стояли они за свою родную землю, однако казаки и тутъ одолѣли ихъ. Послѣ этой побѣды Ермакъ велѣлъ казакамъ садиться въ лодки и плыть вверхъ по рѣкѣ Иртышу; здѣсь были все пахотныя земли; народъ жилъ тутъ зажиточный; въ этихъ же мѣстахъ была и столица Кучума, куда пріѣзжали съ товарами богатые бухарцы, такъ что казакамъ было здѣсь чѣмъ поживиться.

Между тѣмъ Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ татаръ и о походѣ Ермака по Иртышу къ г. Сибири, рѣшилъ самъ выйти къ нему навстрѣчу и вступить въ бой съ казаками. Онъ всталъ съ своей ратью на горѣ Чувашьей; Махметкулъ же засѣлъ въ укрѣпленіи подъ горой, и всѣ ждали казаковъ. Это было двадцать второго октября 1581 года, въ пятьдесятъ второй день похода Ермака. Въ этотъ день къ вечеру казаки подплыли къ Чувашьей горѣ. Солнце было уже низко; усталые казаки тихо подвигались противъ теченія по быстрому Иртышу. Ермакъ, опасаясь татарской засады, рѣшилъ, что ночью плыть по Иртышу, вблизи татарской столицы, имъ не слѣдуетъ, поэтому, замѣтивъ невдалекѣ небольшой городокъ, Ермакъ съ своими казаками причалилъ къ берегу взялъ этотъ городъ почти ночью и засѣлъ въ немъ. Утомленные и битвами и трудностью похода, казаки расположились было на покой; но зоркіе глаза стражи замѣтили страшное полчище татаръ. Многочисленность непріятеля испугала казаковъ. Стали они совѣщаться и говорили: «время позднее, снѣгъ; нетрудно и зазимовать въ чужой сторонѣ: тогда татары окружатъ и перебьютъ насъ всѣхъ». Положено было бѣжать. О рѣшеніи казацкой дру-

жины довели до свѣдѣнія Ермака. Старѣйшіе изъ казаковъ старались убѣдить своего неустрашимаго атамана разными доводами.

—Батюшка нашъ, Ермакъ Тимофеевичъ, – говорили они, ну, самъ ты подумай: видишь, татаръ-то сила какая - несмѣтное множество! а нашихъ всего пятьсотъ человѣкъ: такъ царь-то Кучумъ лоскомъ положитъ, живой души не оставитъ, завтра же всѣхъ перебьетъ! Что жъ пользы изъ этого будетъ? Сибири не возьмемъ, сами погибнемъ, добычи лишимся, родной земли не увидимъ и сгибнемъ, какъ псы, безъ креста, и молитвы! Такъ лучше ужъ убѣжимъ, покуда цѣлы: благо уйдемъ не съ пустыми руками.

Но Ермака трудно было уговорить, чтобы онъ отступилъ передъ непріятелями.

— Ребята, – говорилъ онъ, —потрудитесь маленько! Куда намъ бѣжать —ужъ вода въ рѣкахъ мерзнетъ. Богъ милостивъ! Сибирь близка, наживы много... поработаемъ, ребята! Возьмемъ Сибирь!

— Мы ужъ и то поработали! — отвѣчали казаки— пора и по домамъ! Чего намъ дожидаться? Чтобъ всѣхъ насъ перебили?.. Идемъ! Что тутъ слушать? Давайте въ лодку садиться, да назадъ. Пускай, кто хочетъ, остается...

— Отступать! отступать! въ лодки, ребята! —зашумѣли казаки.

Заговорило въ Ермакѣ ретивое.

— Не бывать этому! - крикнулъ онъ. —Что это съ вами, братцы? Или сердце-то соколье, да смѣлость воронья? Вспомните, что мы обѣщались скорѣй погибнуть, чѣмъ назадъ бѣжать. Развѣ хотите погубить свою добрую славу бѣгствомъ? Нѣтъ, братцы,

такъ не слѣдъ дѣлать. И Богъ накажетъ, и добрые люди осудятъ. Завтра, можетъ, въ послѣдній разъ придется намъ воевать - выбьемъ Кучума, и царь наградитъ насъ, и слава объ насъ пройдетъ во всѣ вѣка. Эхъ, братцы, двухъ смертей не бывать, одной не миновать, и лучше умирать въ бою, чѣмъ въ поганой лужѣ!..

Тутъ многіе пристали къ Ермаку. Онъ опять сталъ уговаривать — и уговорилъ. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Быть такъ! Оставаться, такъ оставаться! До смерти стоять будемъ, а тамъ — что Богъ дастъ».

Лишь только показалось солнышко, Ермакъ съ своей дружиной двинулся на татаръ. Сѣча была кровопролитная; пули и стрѣлы свистѣли; сибирскіе богатыри валились подъ ударами казаковъ, несмотря на то, что татаръ разъ въ двадцать было болѣе, чѣмъ русскихъ. Долго бились противники. Но когда Махметкулъ былъ раненъ, и объ этомъ узнали татарскіе воины, то среди нихъ произошло сильное смятеніе. А царь Кучумъ въ это время, стоя на горѣ, наблюдалъ за битвой и возносилъ Аллаху свои горячія молитвы, дабы онъ даровалъ ему побѣду надъ русскими. Замѣтивъ смятеніе среди татаръ, Кучумъ съ горемъ и страхомъ сказалъ тѣмъ, которые толпились вокругъ него: «Горе мнѣ, горе! Самые храбрые воины наши убиты; Махметкулъ раненъ. Осрамились мы — горсть казаковъ разбила тысячи моихъ воиновъ. Побѣжимъ и мы, чтобы насъ еще не захватили»!..

Кучумъ возвратился къ себѣ, забралъ изъ имущества, что успѣлъ, и съ оставшимися въ живыхъ своими подданными, пошелъ искать пріюта въ безпредѣльныхъ поляхъ Сибири.

Казаки же такъ утомились, что даже не погнались за татарами, а вошли въ городъ, разставили сторожей и крѣпко уснули. Три дня отдыхали они послѣ этой битвы, а затѣмъ, двинувшись въ путь, черезъ трое сутокъ были вблизи города Сибири. Столица Кучума была не велика; съ одной стороны ее огибалъ крутой берегъ рѣки Иртыша, а съ другихъ сторонъ она была защищена тройнымъ валомъ и рвомъ. Дома въ ней были все больше деревянные или же выложенные изъ необожженаго кирпича.

Казаковъ ужасно удивила тишина въ городѣ: ничего не было слышно, какъ будто всѣ вымерли. Ермакъ рѣшилъ, что татары устроили засаду и притаились; онъ послалъ въ городъ развѣдчиковъ, чтобы они наперед все хорошенько высмотрѣли. Развѣдчики возвратились и объявили, что въ городѣ нѣтъ ни души. Городъ, дѣйствительно, оказался пустымъ. Казаки вошли въ него. Многое множество золота, серебра, мѣховъ и разныхъ другихъ дорогихъ вещей нашли они здѣсь и все по-братски раздѣлили между собою. Однако, побѣдители пріуныли было въ пустомъ городѣ. Итти дальше имъ стало ужъ не въ мочь, а запасы между тѣмъ кончились, и приближалась лютая, сибирская зима.

Нѣсколько дней прожилъ Ермакъ съ своей дружиной въ Сибири, и никто къ нему не приходилъ. Наконецъ, пришелъ къ нему остяцкій князь съ своимъ народомъ, принесъ ему много мѣховъ и рыбы, и говорилъ: «Я былъ въ бою подъ Чувашьей горой и увидѣлъ, что тебя побѣдить нельзя. Сказалъ я про это своему народу, и вотъ мы пришли къ тебѣ съ подарками. Будь нашимъ заступни-

комъ». Ермакъ обошелся съ ними ласково и отпустилъ ихъ, обѣщая быть ихъ защитникомъ. Остяки ушли; за остяками стали приходить татары, которые разбѣжались въ разныя стороны, и просили у Ермака милости и защиты; а за татарами пришли и вогулы. Всѣхъ ихъ Ермакъ успокоилъ и наказалъ имъ жить мирно: «А я васъ въ обиду, говорилъ онъ, никому не дамъ». И, дѣйствительно, Ермакъ не позволялъ казакамъ своевольничать и сильно ихъ за это наказывалъ.

Сибиряки были довольны Ермакомъ, хвалили его, что онъ малую дань беретъ съ нихъ, и все шло тихо и мирно.

О Кучумѣ и слуха не было. Только одинъ разъ, отправились двадцать казаковъ рыбачить и, утомившись, прилегли на берегу. Вдругъ, откуда не возьмись, Махметкулъ нагрянулъ на нихъ и всѣхъ до одного перебилъ.

Узнавъ объ этой потерѣ, Ермакъ съ дружиной бросился за татарами въ погоню, догналъ ихъ и разбилъ: татары разбѣжались.

Вся зима прошла тихо. Казаки занимались тѣмъ, что ходили на охоту, били звѣрей: бѣлокъ, куницъ, лисицъ, соболей, и рыбачили въ рѣкахъ. Какъ на грѣхъ, зима въ этотъ годъ стояла суровая, съ страшными морозами и пургой (вьюгой). Пути всѣ занесло, и двигаться впередъ казакамъ было положительно невозможно. Имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только зимовать здѣсь. Казаки взимали съ покоренныхъ жителей ясакъ. Вогулы сами вызвались платить русскому царю дань и во многомъ помогали казакамъ.

Весна въ томъ году открылась рано, въ апрѣлѣ

мѣсяцѣ. Когда Ермаку сообщили, что Махметкулъ недалеко и что съ нимъ очень мало народа, то онъ отрядилъ шестьдесятъ самыхъ сильныхъ казаковъ, которые врасплохъ напали на непріятельскій станъ, полонили самого Махметкула и привезли его къ своему атаману. Ермакъ принялъ его очень ласково, утѣшалъ его, радуясь въ душѣ, что получилъ такого важнаго, въ случаѣ нужды, заложника.

А между тѣмъ на стараго Кучума со всѣхъ сторонъ сыпались напасти: во-первыхъ, его сильно поразилъ плѣнъ Махметкула, во-вторыхъ, на него съ войскомъ шелъ сынъ убитаго имъ князя Бекбулата, а въ-третьихъ, ему измѣнилъ его вельможа Карача Ермаку все это было на руку. Оставивъ въ городѣ Сибири часть своихъ казаковъ, онъ съ остальными опять пошелъ воевать съ татарами, остяками и вогулами, которые жили по рѣкамъ Иртышу и Оби. Подошелъ онъ, наконецъ, къ остяцкому городку, въ которомъ правилъ князь ихъ Демьянъ. Долго не могли казаки взять этого городка, но одинъ чувашинъ, бывшій провожатымъ, сказалъ ему: «Остяки оттого твердо держатся, что у нихъ есть золотой идолъ. Стоитъ онъ на блюдѣ съ водою; остяки молятся идолу, пьютъ эту воду и отъ той воды дѣлаются храбрѣй. Отпусти меня къ нимъ, я украду этотъ идолъ и принесу тебѣ». Ермакъ отпустилъ его. На другой день чувашинъ пришелъ и объявилъ, что похитить идола ему не удалось, но что остяки все колдуютъ: сдаться ли казакамъ, или нѣтъ. Услыхали про это казаки и повеселѣли. Ермакъ повелъ ихъ на приступъ и взялъ городъ. Никакого идола русскіе въ немъ не нашли. Оставался еще самый сильный изъ остяц-

кихъ князей, Самаръ. Но и этотъ не устоялъ противъ казаковъ; во время схватки онъ былъ убитъ, а его подданные согласились платить ясакъ.

Ермакъ далеко прошелъ р. Обью и повернулъ назадъ, когда увидѣлъ, что дальше итти нечего: начинались болота, да голая, совсѣмъ безлюдная степь. Ермакъ съ своей дружиной повернулъ обратно въ городъ Сибирь къ оставленнымъ тамъ казакамъ. На обратномъ пути къ Ермаку уже всѣ жители относились съ уваженіемъ, какъ къ своему побѣдителю. Вездѣ казаковъ встрѣчали съ почестями. Только теперь Ермакъ рѣшился послать къ Строгоновымъ извѣстіе о своихъ сибирскихъ побѣдахъ. Онъ извѣщалъ, что «султанъ Кучумъ покорился, Махметкулъ взятъ въ плѣнъ; что земли ихъ взяты, а народы сибирскіе обложены ясакомъ». Съ этою же вѣстью Ермакъ послалъ къ царю своего храбраго атамана Ивана Кольцо. Въ грамотѣ, посланной на царское имя, Ермакъ раскаивался въ своихъ прежнихъ грѣхахъ и увѣдомлялъ, что къ русскому государству прибавилась еще новая страна — Сибирская. Писалъ Ермакъ, что ждетъ указа и присылки воеводъ. Пріѣхавши съ своими казаками въ Москву, Иванъ Кольцо билъ челомъ царю Ивану Васильевичу Грозному «царствомъ Сибирскимъ, дорогими соболями, черно-бурыми лисами и бобрами».

Эта нежданная вѣсть сильно обрадовала царя. Во всей Москвѣ только и рѣчи было, что объ Ермакѣ, да о томъ, сколько народовъ онъ съ своими казаками покорилъ, сколько разной добычи захватилъ. Царь простилъ Ивана Кольцо, Ермака и всѣхъ казаковъ, и забылъ ихъ старыя вины; говорятъ даже, что Грозный пожаловалъ Ермаку

дорогую шубу со своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогихъ панцыря. Царь разспрашивалъ Ивана Кольцо, какъ они завладѣли Сибирью, хвалилъ казаковъ и наградилъ ихъ деньгами и сукнами. Но что важнѣе всего, — отправилъ въ Сибирь въ подмогу казакамъ воеводъ, князя Семена Болховского и Ивана Глухова, съ пятью стами ратниковъ. Иванъ Кольцо возвратился съ царскими воеводами и ратными людьми въ городъ Сибирь. Воеводы объявили Ермаку и казакамъ царскую милость и отдали государевы подарки. Атаманъ и казаки много радовались, что «государь не только простилъ имъ прежнія вины, но и за новую службу не оставилъ своею царскою милостью». За ясными, радостными днями для казаковъ наступили и невзгоды. Болховской привезъ съ собою въ Сибирь мало запасовъ, полагая, что у казаковъ заготовлено ихъ вдоволь; а казаки вовсе не ждали, что царскія войска придутъ зимою, и запаслись только для себя на зиму. Запасы поэтому скоро вышли, начался голодъ и распространилась между ними болѣзнь — цынга. Стали умирать отъ нея и казаки, и московскіе ратники; въ числѣ прочихъ умеръ воевода Болховской.

Когда наступила весна, то число больныхъ уменьшилось, но бѣдствія казаковъ не окончились этимъ. Борьба съ суровою природою оказалась для мужественныхъ казаковъ менѣе опасною, нежели съ вѣроломными жителями страны, которые не теряли надежды освободиться изъ-подъ власти русскихъ. Одинъ князекъ, по имени Карача, измѣнилъ своему повелителю Кучуму и оставилъ послѣдняго въ большой невзгодѣ. Этотъ то Карача и притворился другомъ Ермака. Прислалъ онъ къ нему нѣсколько

человѣкъ съ богатыми мѣхами. «Я, говорилъ Карача черезъ посланныхъ, хочу быть вѣрнымъ слугой московскаго царя. Только пришли въ мой улусъ казаковъ, а то обижаютъ меня и людей моихъ ногаи. Повѣрилъ Ермакъ хитрому татарину и, посовѣтовавшись съ своими атаманами, отрядилъ къ нему сорокъ воиновъ подъ командою Ивана Кольцо. Только что пришли туда казаки, и безъ всякой опаски тамъ расположились, какъ вдругъ, врасплохъ, напалъ на нихъ Карача со множествомъ татаръ и всѣхъ до одного перебилъ. Узналъ объ этомъ Ермакъ и плакалъ о храбромъ атаманѣ Иванѣ Кольцо и о казакахъ, какъ по своимъ роднымъ дѣтямъ, и винилъ себя, что повѣрилъ Карачѣ. А татары обрадовались такой потерѣ Ермака, и стали вездѣ нападать на казаковъ. Карача собралъ большое войско и подступилъ къ городу Сибири и обложилъ его со всѣхъ сторонъ. Карача предполагалъ уморить казаковъ голодомъ. Ермакъ до іюня мѣсяца храбро выдерживалъ осаду, а тутъ опять стали выходить запасы.

Наконецъ, казаки рѣшились на вылазку; для этого они выбрали темную ночь. Казаки тайкомъ вышли изъ города и подошли къ непріятельскому стану. Они напали на погруженныхъ въ сонъ татаръ, и началось кровопролитіе. Заметались татары спросонокъ: слышатъ стоны и крики, а ничего впотьмахъ не видно. Много было побито татаръ и въ числѣ ихъ два сына Карачи. Татары не выдержали натиска казаковъ и обратились въ бѣгство. Самъ Карача бѣжалъ въ Ишимъ. Ермакъ, вверхъ по Иртышу, пошолъ за нимъ въ догоню. Онъ покорилъ на своемъ пути много городовъ. И достигнувъ

устья рѣки Шпша, гдѣ начинались голыя стѣны, возвратился домой. Немного уже оставалось у Ермака людей изъ числа тѣхъ, которые пришли вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь три года тому назадъ; всѣ главные его сподвижники погибли въ бояхъ. Наконецъ, и для него самого пробилъ послѣдній часъ.

Какъ-то въ исходѣ лѣта, въ первыхъ числахъ августа, Ермакъ получилъ извѣстіе, что по Иртышу идутъ бухарскіе купцы, но что Кучумъ собирается перехватить ихъ караванъ. Ермакъ рѣшилъ отправиться на выручку бухарцамъ. Онъ взялъ съ собою пятьдесятъ надежныхъ казаковъ и немедленно пустился съ ними на поиски Кучума; они плыли цѣлый день вверхъ по Иртышу, но нигдѣ не встрѣтили ни бухарскихъ купцовъ, ни Кучумовыхъ людей.

Плывя вверхъ по рѣкѣ, казаки, конечно, устали, но остановиться въ незнакомомъ мѣстѣ не рѣшались и повернули назадъ. Однако темнота ночи и поднявшаяся буря заставили Ермака сдѣлать привалъ; они причалили къ одному небольшому островку. Привязавъ лодки, они вышли на берегъ и расположились на ночлегъ. Утомившись за ночь казаки всѣ до одного заснули крѣпкимъ сномъ, не поставивъ даже сторожей. Ночь была бурная, дождь лилъ, какъ изъ ведра; крѣпкій вѣтеръ свистѣлъ и вылъ; по рѣкѣ ходили волны, которыя своимъ однообразнымъ шумомъ и плескомъ еще болѣе усыпляли казаковъ. А татары были близко; Кучумъ весь день слѣдилъ за ними съ другой стороны рѣки. Большой толпой, но тихо и осторожно стали татары переправляться къ острову; благополучно перебравшись, они бросились на сонныхъ казаковъ, и началась рѣзня. Только два человѣка спаслись отъ татарскаго ножа:

одинъ изъ спасшихся благополучно добрался до города Сибири и принесъ своимъ товарищамъ печальное извѣстіе; другой же былъ самъ Ермакъ; услыхавъ крики и суматоху, Ермакъ проснулся, схватилъ свой мечъ и бросился на татаръ. Но татары начали сильно напирать на него. «Ко мнѣ, братцы! ко мнѣ, товарищи!» кричалъ онъ, но никто не откликался, на его зовъ: одни уже лежали убитыми, а другихъ доканчивали татары. Смекнувъ, что дѣло поправить уже нельзя, онъ бросился къ лодкамъ, но ихъ отнесло бурею на средину рѣки. Ермакъ кинулся въ воду и поплылъ по рѣкѣ. Тяжелая броня, которая была на немъ, не давала ему плыть и тянула ко дну. Ослабѣли силы Ермака, и скрылся онъ навсегда подъ бурными волнами. Это случилось 5 августа 1584 г. Горько заплакали казаки, узнавъ о смерти своего удалого атамана, и испугались за свою жизнь. «Пропали мы теперь совсѣмъ» говорили они, и рѣшились возвратиться на родину. Московскіе ратники тоже присоединились къ нимъ, и въ тотъ же годъ всѣ они покинули городъ Сибирь. Въ опустѣлый городъ сперва вошелъ сынъ Кучума, Алей, а вслѣдъ за нимъ явился и самъ Кучумъ, чтобы снова царствовать. Но судьба, видимо, была противъ него. Провѣдалъ про всѣ эти дѣла Сейдякъ, отецъ котораго былъ убитъ Кучумомъ, пришелъ въ столицу Сибирскаго царства и выгналъ изъ нея старика Кучума съ его приближенными.

Итакъ, Ермакъ погибъ, его дружина постыдно бѣжала на родину, и Сибирское царство снова освободилось отъ русскаго владычества. Но надолго ли?

Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало завоеванію все-таки было положено.

Преемникъ Грознаго, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, ничего не зналъ о гибели Ермака и о бѣгствѣ казаковъ изъ Сибири. До него, впрочемъ, доходили слухи, что отрядъ казаковъ съ каждымъ днемъ уменьшается и что имъ нужна помощь.

Съ этой цѣлью онъ отправилъ къ нимъ воеводу Мансурова съ отрядомъ стрѣльцовъ. Воевода Мансуровъ встрѣтился съ казаками на рѣкѣ Турѣ; атаманомъ ихъ былъ Матвѣй Мещерякъ. «Доблiи казаки ожили радостью», говоритъ лѣтописецъ. Они возвратились вмѣстѣ съ Мансуровымъ къ устью рѣки Тобола.

Однако имъ не удалось взять городъ Сибирь, гдѣ царствовалъ юный Сейдякъ. Мансуровъ съ своими людьми поплылъ далѣе Иртышемъ, несмотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ Иртышъ впадаетъ въ Обь, они высадились и построили деревянную крѣпостцу. Остяки было задумали взять ее, но напуганные пушечными выстрѣлами разбѣжались въ разныя стороны. Когда въ Москву пришло извѣстіе о смерти Ермака, царь послалъ вслѣдъ за Мансуровымъ еще трехъ воеводъ, съ значительнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Одинъ изъ воеводъ Чулковъ пришелъ въ Сибирь и недалеко отъ города Сибири заложилъ городъ Тобольскъ и построилъ въ немъ первую православную церковь (1587 году). Чулкову удалось выгнать изъ города Сибири Сейдяка и опять возвратить русскимъ этотъ городъ.

Городъ Сибирь опустѣлъ: русскимъ онъ былъ не нуженъ, и Тобольскъ сдѣлался столицею Сибири. О

городѣ же Сибири вскорѣ совсѣмъ позабылп, и намять о немъ въ народѣ почти навсегда исчезла. Двое другихъ воеводовъ, присланныхъ изъ Москвы, остановились на берегу рѣки Туры и основали здѣсь городъ Тюмень.

Что касается Кучума, то онъ держался съ своей шайкой въ Барабинской степи, жегъ селенія и убивалъ людей въ самыхъ окрестностяхъ Тобола. Чтобы унять этого разбойника, былъ посланъ новый воевода, князь Кольцовъ-Мосальскій; онъ наткнулся на Кучума въ глубинѣ Ишимскихъ степей (1591 г.) и истребилъ большую часть его конницы и взялъ въ плѣнъ двухъ женъ его и сына. Плѣнники были отправлены въ Москву, гдѣ они были приняты милостиво. Напрасно царь Ѳеодоръ Іоанновичъ предлагалъ Кучуму жалованье, города и волости въ Россіи, сибирскій царь не захотѣлъ неволи и говорилъ: «Я не уступалъ Сибири Ермаку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, я требую берега Иртыша». Кучумъ сначала находилъ убѣжище среду ногайскихъ татаръ, но впослѣдствіи былъ ими же и убитъ.

Со смертью Кучума уже не было никого, кто бы могъ оспаривать сибирскую страну у русскаго царя, и стала она, какъ мы увидимъ далѣе, быстро заселяться русскими. Получивъ вѣсть, что теперь Сибирь вплоть до Иртыша и далѣе къ сѣверу по Оби — наша, царь обложилъ жителей этой страны данью и приказалъ взимать съ нихъ въ годъ тысячу тысячъ дорогихъ шкурокъ.

Не ошибся Ермакъ, когда говорилъ своимъ сподвижникамъ: «Не оскудѣетъ память наша въ этихъ странахъ». Русскій народъ съ благодарностью вспо-

минаетъ объ удаломъ казацкомъ атаманѣ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ и о его товарищахъ, которые присоединили къ нашей родинѣ великую сибирскую страну. Въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ, на высокомъ холмѣ, воздвигнутъ былъ памятникъ Ермаку. Съ одной стороны на мраморѣ высѣчено: «Покорителю Сибири Ермаку».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дальнѣйшее завоеваніе Сибири послѣ смерти Ермака. Какъ казаки добрались до рѣкъ Енисея и Лены. Основаніе городковъ Енисейска и Якутска. Покореніе якутовъ, Тунгусовъ и бурятъ.

Первый шагъ русскихъ въ Сибирь былъ удачепъ, хотя обошелся и не дешево: много русскихъ легло костьми въ далекой Сибири, среди необъятныхъ, снѣжныхъ равнинъ, и только горсть храбрецовъ осталась довершать великое дѣло, начатое Ермакомъ.

Не набѣгомъ, подобно кочевымъ народамъ, покоряли русскіе Сибирь: они всячески старались закрѣпить за собой покоренныя земли. Изъ Москвы имъ крѣпко наказывали не только разыскивать въ Сибирской странѣ «новыя землицы» и брать ясакъ съ встрѣчныхъ людей, но и ставить жилыя мѣста. Двигаясь впередъ, казаки оставляли позади себя построенныя на скорую руку небольшія крѣпостцы (остроги). Изъ нихъ они расходились потомъ небольшими артелями въ разные концы обширной Сибири. Такъ намѣчались во всѣхъ концахъ сибирскіе пути. Казаки охотно строили эти остроги

ради своей безопасности, чтобы было гдѣ укрыться въ случаѣ отступленія. Съ каждымъ годомъ они пробирались все далѣе и далѣе, покоряя новыя земли и приводя сибирскихъ инородцевъ подъ высокую государеву руку. Уже Сибирь до Иртыша и далѣе къ сѣверу по р. Оби была наша; оставалось итти далѣе на югъ и сѣверо-востокъ. Какимъ же образомъ казаки двигались впередъ, не зная ни дорогъ, ни туземныхъ жителей, съ которыми часто приходилось сталкиваться?

Дорогами для казаковъ, какъ и при походѣ Ермака, были рѣки; по нимъ они то спускались до сѣверныхъ тундръ, по которымъ, завернутые въ свои оленьи шубы, бродили дикари, то поднимались на югъ до густыхъ лѣсовъ и до каменныхъ хребтовъ. Плыли они весной и лѣтомъ, а лишь только наступала зима съ своими снѣжными вьюгами и буранами, они строили около какой-нибудь рѣки зимовье, а лодки свои оставляли гдѣ-либо на волокѣ; казачье зимовье состояло, просто-на-просто, изъ большой курной избы съ глиняною печкою; обыкновенно эту избу, въ которой помѣщалось нѣсколько человѣкъ казаковъ, огораживали невысокимъ плетнемъ или заборомъ *). Одни изъ казаковъ занимались охотой на пушного звѣря, а другіе навѣщали сосѣднихъ жителей и собирали съ нихъ «царевъ ясакъ». Бывали такіе случаи, что въ избѣ скоплялось много народу, тогда рубили новыя избы и рыли землянки. Городки обыкновенно рубились отдѣльно, но случалось и такъ,

*) Со временемъ изъ простого огороженнаго зимовья выросталъ острожекъ, а затѣмъ острогъ; такъ называлось всякое ѣсто, обнесенное частоколомъ или тыномъ.

что городокъ съ острогомъ стояли вмѣстѣ: снаружи—острожный тынъ, а внутри съ деревянными стѣнами и башнями—городокъ.

Между острожнымъ тыномъ и городкомъ жили обыватели, а когда становилось тѣсно, такъ селились и за тыномъ, въ полѣ. Кромѣ воеводскаго двора, пороховыхъ погребовъ и казенныхъ амбаровъ, въ городкахъ ставили небольшія деревянныя церкви. Все необходимое везлось сюда изъ далекой родины. А мало-ли что требовалось прислать въ какой-нибудь городокъ, или острогъ? Кромѣ жизненныхъ припасовъ, присланному сюда воеводѣ требовалась бумага для отписей, при бумагѣ подъячій, по-нынѣшнему писецъ; для церкви нужно было отправить священника, причтъ, книги, ризы, образа, сосуды и проч. Мѣста для поселеній, по большей части, выбирались вблизи рѣкъ, и избы строились на рѣчномъ юру, чтобы весной сильная вода сибирскихъ рѣкъ не затопляла строенія. Основывались города и острожки по указанію казацкихъ сотниковъ и боярскихъ дѣтей; постройка ихъ на нынѣшнія деньги обходилась очень дешево. Бывало, облюбуетъ какой-нибудь казацкій голова удобное мѣстечко и отпишетъ въ Москву, что оно «угоже и крѣпко, и рыбно, и пашенька не велика есть, и луговъ заливныхъ много и мѣсто, гдѣ стояти городу,—высоко—большая вода не поймаетъ».

Съ каждымъ годомъ увеличивалось число этихъ поселеній, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Россіи прибывали сюда все новые и новые переселенцы. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ермака, а въ Зауральскихъ краяхъ насчитывалось уже порядочное число русскихъ людей. Заселялась Сибирь и тѣмъ,

кто шелъ туда по доброй волѣ, и кого загнала неволя; иной шелъ туда, спасаясь отъ бѣды, а другого манила свободная жизнь да нажива. Московскіе цари щедро помогали переселенцамъ и охотно содѣйствовали заселенію Сибири. Такъ, сынъ Іоанна Васильевича Грознаго, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ однажды издалъ указъ «переселить за рѣку Уралъ тридцать хлѣбопашескихъ семей и дать каждому переселенцу по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по два гуся, да по пяти курицъ, да соху для пашни, да телѣгу, да сани, да всякую житейскую рухлядь, да на каждую семью выдать по двадцати пяти рублевъ». Такъ поступали и другіе московскіе цари. Всѣмъ было понятно, что огромную сибирскую страну только и можно удержать за собою, заселивъ ее русскимъ людомъ. Даже крѣпостныхъ людей, которые бѣжали въ Сибирь изъ дворянскихъ вотчинъ, тамъ не трогали, лишь бы они пахали землю. До вступленія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова,— а это случилось въ 1613 г.,—у русскихъ въ Сибири было уже нѣсколько городковъ: Тобольскъ, Тюмень, Пелымъ, Березовъ, Тара, Томскъ и другіе. Прошло какихъ-нибудь сто лѣтъ послѣ похода Ермака, а въ Сибири насчитывалось русскаго народа болѣе семидесяти тысячъ.

Но какъ ни заботились московскіе цари о томъ, чтобы заселить Сибирь, а сдѣлать это было не легко: слишкомъ ужъ велика она, а пустопорожнихъ земель въ то время въ ней было видимо-невидимо,—сколько ни шло туда переселенцевъ, а все-таки русскаго народа было тамъ, что капля въ

морѣ. Бывало иногда и такъ, что крестьянъ насильно переселяли за Уралъ цѣлыми деревнями. Однихъ разсѣляли по главному сибирскому тракту, чтобы они исправляли обязанности ямщиковъ, другіе несли иныя повинности — строили суда, справляли всякія службы. Еще заселялась Сибирь ссыльными. Ссылать туда начали вскорѣ послѣ Ермака. Такъ, въ 1599 г., царь Борисъ Годуновъ сослалъ въ Сибирь двухъ братьевъ Романовыхъ, которые приходились дядями будущему царю Михаилу Ѳеодоровичу. Ссылали въ Сибирь и иноземцевъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ, и раскольниковъ, которые противились принятымъ церковнымъ уставамъ. Вотъ какимъ образомъ заселилась эта обширная страна русскими переселенцами — вольными и невольными.

Въ то время, какъ шло это постепенное заселеніе русскими переселенцами мѣстностей Сибири, болѣе близкихъ къ Россіи, казаки не бездѣйствовали и отдѣльными артелями проникали все далѣе и далѣе, двигаясь къ сѣверу и югу. Бывали нерѣдко такіе случаи, что поставитъ одна артель зимовье на сѣверѣ, а ходитъ за ясакомъ къ югу; южнѣе другая артель поставитъ тоже свой острожекъ и идетъ собирать ясакъ на сѣверъ; придется сборщикамъ гдѣ-нибудь столкнуться, и выйдетъ ссора. Казаки старательно собирали ясакъ, который состоялъ изъ мѣховъ пушного звѣрья, и этимъ увеличивали доходы царской казны.

Укрѣпившись на р. Оби и ея притокахъ, казаки дошли затѣмъ до другой великой сибирской рѣки—Енисея, и въ 1621 году ими былъ заложенъ здѣсь городъ Енисейскъ. Сперва это былъ просто-

па-просто острожекъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ превратился въ городъ, и въ него свозилась государева казна, назначаемая для отправки въ Москву. Въ Енисейскѣ бывалъ большой торгъ: сюда съѣзжались сибирскіе инородцы и вели мѣновую торговлю съ русскими купцами. Здѣсь же было постоянное мѣстопребываніе воеводы, которому казаки, отправляясь на розыски новыхъ земель, отписывали о своихъ походахъ. Воевода въ свою очередь доносилъ въ Москву объ осмотрѣ такихъ-то земель и о сборѣ ясака съ такихъ-то людей.

Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія Енисейскаго острога, казаки дошли до третьей великой сибирской рѣки - Лены. Здѣсь казакамъ пришлось перенести гораздо больше трудностей, чѣмъ прежде. Климатъ оказался здѣсь очень суровымъ, а глухіе лѣса и безконечныя болота мѣшали ихъ движенію. Тѣмъ не менѣе имъ удалось и здѣсь покорить тунгусовъ, бурятъ и якутовъ. Въ это самое время въ Москвѣ царствовалъ «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ, который прпказалъ казакамъ «поискать на Ленѣ-рѣкѣ пашенныхъ мѣстъ», а на базарахъ было велѣно кличъ кликать: всякому, кто пожелалъ бы селиться на новыя мѣста, тому обѣщали выдать казенныхъ денегъ на одну лошадь, безъ отдачи, а на другую лошадь вѣрили въ долгъ, на два года. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, и на берегу многоводной Лены былъ основанъ Якутскъ, который вскорѣ сдѣлался главнымъ городомъ восточной заенисейской Сибири.

На берегахъ Лены казаки не засидѣлись долго, а двинулись далѣе, плывя по рѣкамъ; въ 1640 г. они дошли до береговъ Охотскаго моря, которое у

сибирскихъ инородцевъ называлось именемъ Ламы, что значитъ на ихъ языкѣ: вода. Въ то самое время, какъ одни казаки любовались безграничнымъ просторомъ Охотскаго моря, другіе уже плавали на своихъ простыхъ лодкахъ около береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Уже много земель прошли неутомимые казаки, и много разныхъ мелкихъ племенъ подвели они подъ высокую руку русскаго царя Алексѣя Михайловича. Вслѣдъ за ними двигались внутрь Сибири и русскіе поселенцы. Главными городами были: Тобольскъ, Енисейскъ и Якутскъ. Къ этимъ городамъ сходилось и народу больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Изъ Енисейска артели казаковъ обыкновенно двигались на югъ, къ Байкальскому озеру, гдѣ жили буряты, а изъ Тобольска посылались казаки и на сѣверо-востокъ, и на югъ. Мы видимъ ниже, какъ эти послѣдніе дошли до рѣки Амура, и по ней спустились до береговъ Восточнаго моря. Нельзя сказать, чтобы казаки долго готовились къ своимъ походамъ: придетъ въ воеводскій городъ изъ Москвы указъ, прочитаютъ его и снарядятъ человѣкъ 100 или 50 казаковъ въ дальній путь; одного изъ нихъ выберутъ старшимъ, а всѣмъ остальнымъ накрѣпко накажутъ ему подчиняться.

Плавая по верховьямъ рѣкъ Енисея, Лены и ихъ притокамъ, казаки сталкивались съ тунгусами и бурятами. Трудно было въ этихъ мѣстахъ казакамъ: приходилось перебираться черезъ высокія горы, поросшія глухимъ лѣсомъ, а иной разъ переправляться черезъ каменистыя быстрыя рѣки; часто казацкія лодки разбивались объ острые камни, причемъ гибли и люди и припасы. На сѣверѣ, на-

примѣръ, гдѣ широко раскинулась безпредѣльная равнина, двигаться было гораздо легче. Не скоро удалось казакамъ одолѣть тунгусовъ и бурятъ: эти инородцы крѣпко стояли за свою волю и нерѣдко отказывались платить ясакъ. Земли, на которыхъ они обитали, были очень плодородны, а заливные, обильные травами луга давали имъ возможность съ успѣхомъ заниматься скотоводствомъ. Въ 1641 г. на тунгусовъ и бурятъ былъ посланъ съ небольшимъ отрядомъ служилый человѣкъ Василій Поярковъ; ему было наказано привести этихъ инородцевъ «подъ высокую государеву руку». Ояркову не удалось окончательно покорить этихъ «государевыхъ измѣнниковъ и непослушниковъ»; тогда на нихъ былъ посланъ казачій десятникъ Василій Бугоръ, подъ началомъ у котораго было 130 разныхъ людей. Послѣ жаркой схватки, Бугоръ донесъ воеводѣ, что «Божіею милостью и государевымъ счастьемъ отъ тѣхъ брацкихъ мужиковъ (бурятъ) государевы служилые люди устояли и бились съ тѣми брацкими людьми на томъ бою, не щадя головъ своихъ».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудности, которыя приходилось испытывать казакамъ во время ихъ походовъ. Жестокое обращеніе казаковъ съ покоренными сибирскими народцами. Слухи о рѣкѣ Амурѣ. Неудачный походъ Василія Пояркова въ Пріамурскій край.

Не легко, а потомъ и кровью заселялась обширная сибирская страна; много терпѣли казаки при Ермакѣ, еще больше бѣдъ и трудовъ пришлось перенести имъ послѣ него. Въ тѣ далекія времена

вся власть въ покоренныхъ сибирскихъ земляхъ была въ рукахъ воеводъ, которые сильно притѣсняли и казаковъ, и новыхъ поселенцевъ-крестьянъ. Плохіе были тогда порядки въ Сибири. Нерѣдко къ царю приходили челобитныя казаковъ, въ которыхъ они жаловались на свою горькую долю, на притѣсненія воеводъ и на свою нужду. Если служилымъ людямъ тяжело жилось тогда въ Сибири, то крестьянамъ и подавно. Терпя частыя несправедливости отъ властей, не умѣя еще приноровиться къ мѣстнымъ условіямъ жизни, они къ тому же нерѣдко подвергались нападеніямъ бродячихъ сибирскихъ племенъ.

Но если русскимъ не вольготно жилось тогда въ Сибири, то еще хуже жилось сибирскимъ народцамъ, которые много понесли горя отъ своихъ завоевателей, особенно отъ казаковъ, которые слишкомъ жестоко обращались съ иновѣрцами. Собирая «царевъ» ясакъ, казаки обыкновенно требовали больше, чѣмъ слѣдовало; если же иновѣрцы сопротивлялись, то они силой отнимали у нихъ цѣнные мѣха; благодаря этому, между сборщиками ясака и плательщиками часто происходили стычки, которыя, большей частью, кончались кровопролитіемъ. «Сибирскіе воеводы и казаки, говорится въ одной старинной книгѣ, рѣдко довольны бывали тѣмъ, что давано было имъ по доброй волѣ, но черезъ разныя насилія хотѣли еще больше вымучить. Бѣдные люди не могли давать больше, а притѣсненія, ежедневно ими претерпѣваемыя, побуждали ихъ къ отчаяннымъ намѣреніямъ... И насилія казаковъ, да и самихъ воеводъ отвратили сердца побѣжденныхъ народовъ отъ русскихъ и произвели худую славу о всемъ Россійскомъ народѣ».

Между тѣмъ изъ Москвы наказывали, чтобы никто не смѣлъ чинить обиды ясачнымъ людямъ; но до царя было далеко, и добрымъ государевымъ рѣчамъ мало внимали сибирскіе ослушники — воеводы и казаки.

Желая получить побольше добычи, казаки заходили все далѣе и далѣе и присоединяли къ владѣніямъ русскаго царя огромныя области. Наконецъ, уже въ первой половинѣ XVII столѣтія казаки дошли до Охотскаго моря. Дальше на востокъ итти было некуда, и казаки стали подумывать о томъ, куда бы имъ еще отправиться походомъ. Въ это время они узнали у тунгусовъ, что по ту сторону горъ лежитъ рядомъ съ китайскимъ царствомъ богатая земля. Говорили тунгусы, что тамъ живутъ племена дучеры и дауры, что они занимаются хлѣбопашествомъ и что у нихъ много скота и серебра. Эти слухи доходили и до воеводскихъ городовъ, и оттуда наказывалось казакамъ: спрашивать и развѣдывать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много серебра и пушныхъ звѣрей. Разсказывали также тунгусы, что тамъ есть большая рѣка Джи (Зея), которая впадаетъ въ Амуръ, а эта рѣка идетъ прямо къ морю. Этихъ свѣдѣній было совершенно достаточно, чтобы двинуть жадную до добычи казацкую вольницу въ тѣ далекія, невѣдомыя страны. И вотъ, якутскій воевода наказалъ Василію Пояркову «новыя землицы провѣдать», узнать, нѣтъ ли тамъ серебряной, мѣдной и свинцовой руды, и привести новыхъ людей подъ высокую государеву руку. Василій Поярковъ былъ «письменнымъ головою», т. е. такимъ человѣкомъ, который состоялъ при воеводѣ и на которомъ лежали всѣ письменныя дѣла.

Ему дали 130 человѣкъ ратныхъ людей, снабдили отрядъ большимъ количествомъ провіанта, дали пушку и 15 іюня 1643 года проводили казаковъ изъ Якутска. Василій Поярковъ съ своимъ отрядомъ поплылъ рѣкой Алданомъ. Цѣлыхъ четыре мѣсяца двигались они по этой рѣкѣ. Тяжелъ и труденъ былъ ихъ путь, но казаки оказались бывалыми людьми: не страшили ихъ ни опасности, ни невзгоды. Пока можно было, Поярковъ съ товарищами плыли на легкихъ ладьяхъ. Провожатыми были тунгусы, которыхъ забирали то ласками, то угрозой. Послѣ долгихъ трудовъ казаки добрались до р. Гонама, и здѣсь ихъ настигла зима; жестокіе сибирскіе морозы сковали ледъ. Что было дѣлать? Не долго думая, Поярковъ приказываетъ бросить лодки и остановиться на зимовку; на скорую руку были срублены избы и выкопаны землянки. Но недолго прожилъ въ зимовьѣ Поярковъ; нетерпѣніе брало его; хотѣлось поскорѣй попытать счастье.

И вотъ, оставивъ въ зимовьѣ сорокъ человѣкъ, онъ съ остальными казаками кладетъ необходимый провіантъ и оружіе на салазки и по снѣгу, на лыжахъ, переваливаетъ черезъ Становой хребетъ и весною 1644 года приходитъ на берега р. Амура. Но прежде, чѣмъ добраться до этой рѣки, казакамъ пришлось имѣть неоднократныя стычки съ тамошними жителями. Когда Поярковъ съ товарищами добрался до большой рѣки Зеп, то въ этихъ мѣстахъ они увидѣли первую даурскую деревню, населеніе которой занималось пахотой.

Народъ дауры сначала приняли казаковъ хорошо и даже уплатили имъ ясакъ; но вскорѣ дауры поняли, что казаки пришли къ нимъ не въ гости,

а съ злыми умыслами. Они перестали ихъ снабжать съѣстными припасами и не платили ясакъ; такъ какъ у Пояркова хлѣба было мало, то онъ отрядилъ пятьдесятъ человѣкъ, подъ начальствомъ Юшки Петрова, по низовью рѣки Зеи; посланные казаки должны были съ встрѣчныхъ людей забрать ясакъ и запастись припасами. Но Юшкѣ Петрову и его отряду не посчастливилось; даурскіе люди нанесли имъ чувствительное пораженіе, и имъ пришлось отступить. Они вернулись снова къ Пояркову. Мало осталось въ живыхъ изъ этого отряда; «померло, - говорилъ Поярковъ, — отъ голода и болей разныхъ человѣкъ сорокъ, потому что ѣсть было нечего». Между тѣмъ Пояркову удалось развѣдать отъ даурскихъ людей, что «руды въ ихъ землѣ нѣтъ и что получаютъ они ее черезъ торговлю съ ханомъ; хана этого, по ихъ словамъ, называютъ Барбоемъ; онъ держитъ всѣхъ окружныхъ людей въ рукахъ, а самъ живетъ въ большомъ городѣ, окруженномъ стѣнами».

Положеніе Пояркова немного улучшилось, когда пришли остальные казаки изъ перваго зимовья; они привезли съ собой и съѣстные припасы. Начали казаки опять собираться въ путь и вскорѣ двинулись внизъ по р. Зеѣ. По берегамъ мѣстами виднѣлись даурскіе улусы (селенія), и вездѣ были видны вспаханныя земли. Дауры были народъ осѣдлый и занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Вскорѣ казаки выплыли на широкую рѣку Амуръ. Земли по этой рѣкѣ показались имъ очень плодородными; они встрѣтили на своемъ пути много разныхъ народцевъ, которые находились въ подданствѣ у сильнаго манджурскаго князя; а этотъ

князь зависѣлъ отъ китайскаго хана. Пояркову пришлось здѣсь испытать много неудачъ; такъ, напримѣръ, посланные имъ двадцать пять человѣкъ для развѣдокъ были почти всѣ убиты дучерами (одинъ изъ пріамурскихъ народовъ). Только двое изъ нихъ воротились назадъ. Но никакія неудачи не испугали Пояркова, и онъ плылъ дальше. Близъ устья Амура казакамъ пришлось провести зиму. Здѣсь они встрѣтились съ *гиляками*: этотъ народъ никому не былъ подвластенъ, и его удалось обложить ясакомъ. Плохо, однако, и здѣсь пришлось казакамъ; главная бѣда заключалась въ недостаткѣ пищи; дѣло не разъ доходило до того, что имъ приходилось питаться кореньями луговыхъ травъ. Но, наконецъ, наступила желанная весна, и Поярковъ рѣшилъ вернуться обратно въ Якутскъ. Старымъ путемъ Поярковъ побоялся итти и рѣшилъ вернуться въ Якутскъ моремъ. Трудно себѣ представить, сколько невзгодъ и опасностей испытали казаки во время этого морского плаванія; только такіе смѣлые, отчаянные люди, какъ они, могли рѣшиться на такой путь въ своихъ небольшихъ лодкахъ. Цѣлыхъ двѣнадцать недѣль ихъ носило по морю; наконецъ, морскія волны выбросили ихъ на берегъ. Суда разбились, а уцѣлѣвшіе пловцы оборванные, голодные, еле волоча ноги, доплелись до устья маленькой рѣчки Улы и нашли здѣсь старое зимовье. Кормились они по дорогѣ, чѣмъ придется, что выкинетъ на берегъ море. Когда наступила весна, они тронулись по направленію къ Якутску *). Поярковъ

*) Три года гуляла по Амурскому краю удалая казацкая дружина, покорила жившихъ здѣсь гиляковъ, собрала съ нихъ ясакъ (дань) драгоцѣнными соболями, и только на четвертый годъ, уменьшившись болѣе, чѣмъ на половину, добралась домой.

привезъ съ собой въ Якутскъ двѣнадцать сороковъ соболей и нѣсколько шляковъ; онъ утвердительно завѣрялъ, что съ 300 казаковъ можно «безъ дальняго труда привесть всю рѣку Амуръ подъ власть Россійской державы». Походъ Василія Пояркова былъ однимъ изъ самыхъ бѣдственныхъ, несчастныхъ походовъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Движеніе казаковъ на р. Амуръ. Ерофей Павловъ Хабаровъ. Иванъ Нагиба. Гибель Онуфрія Степанова. Окончательное присоединеніе къ Россіи пріамурскаго края графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ.

Въ то самое время, когда Василій Поярковъ съ своимъ отрядомъ терпѣлъ столько неудачъ въ пріамурскихъ земляхъ, жилъ на рѣкѣ Ленѣ одинъ богатый человѣкъ, по имени Ерофей Павловъ Хабаровъ. Родиной его былъ городъ Устюгъ Великій (въ настоящее время уѣздный городъ Вологодской губерніи); Хабаровъ происходилъ изъ крестьянъ и никогда не имѣлъ большихъ капиталовъ. Случай натолкнулъ его на мысль завести соляныя варницы въ Сольвычегодскѣ; это занятіе помогло Хабарову пріобрѣсти небольшія средства. Хабаровъ былъ человѣкъ очень умный и дѣльный. Прослышалъ онъ, что въ Сибири есть хорошія пашенныя мѣста и что тамъ легко можно деньги наживать соболинымъ промысломъ. Съ этой цѣлью онъ, въ 1636 году, выселился въ Сибирь, на рѣку Енисей. Но здѣсь онъ пробылъ недолго и переселился далѣе на востокъ, на рѣку Лену. У него было двадцать семь чело-

вѣкъ работниковъ, которыхъ онъ отправлялъ въ лѣса подстерегать пушного звѣря. Занимался онъ здѣсь также и хлѣбопашествомъ. Хорошо пошли дѣла у Хабарова, и съ каждымъ годомъ богатство его все увеличивалось. А между тѣмъ время отъ времени доходили до него слухи о походѣ Пояркова на р. Амуръ и о богатствахъ новооткрытыхъ земель. Пришло ему на мысль и самому попытать счастья и добиться славы; задумалъ и онъ по слѣдамъ Пояркова совершить походъ въ пріамурскія земли, обложить тамошнихъ людей ясакомъ и добыть великую прибыль и царю и себѣ. Въ описываемое нами время въ Якутскѣ былъ воеводой Дмитрій Францбековъ. Къ нему-то и обратился Хабаровъ съ челобитной, въ которой просилъ разрѣшенія набрать на свой счетъ людей и съ ними отправиться воевать въ страну Лавкая. Царь Алексѣй Михайловичъ, прочитавъ челобитную Хабарова, далъ ему позволеніе итти на «непослушника» Лавкая; въ грамотѣ наказывалось пользоваться оружіемъ «только въ крайности» и, вообще, стараться покончить съ Лавкаемъ мирно; если же онъ будетъ сопротивляться и не согласится платить ясакъ, то объ этомъ велѣно было донести якутскому воеводѣ. Кромѣ того, Хабарову было приказано на рѣкѣ Шилкѣ поставить острожекъ и «описать всѣхъ живущихъ тамъ людей и представить чертежи». Весною 1649 года Хабаровъ отправился въ дальній путь. Съ нимъ было всего только семьдесятъ человѣкъ. Все это были люди смѣлые до безразсудства, которые шли въ далекія страны, главнымъ образомъ, изъ жажды корысти. Что нравилось этимъ удальцамъ въ далекихъ краяхъ, такъ это вольная, безотвѣтствен-

ная жизнь. Съ большимъ трудомъ добрался Хабаровъ съ своими молодцами до Становыхъ горъ и, перейдя черезъ нихъ, вскорѣ очутился недалеко отъ береговъ Амура. Вотъ какъ описывается въ одной книгѣ встрѣча хабаровскихъ казаковъ съ княземъ Лавкаемъ: по дорогѣ казакамъ встрѣтились пять большихъ улусовъ, которые были обведены стѣнами и окопаны рвомъ. Болѣе всего казаковъ удивило то, что въ первыхъ трехъ улусахъ они не нашли жителей; въ третьемъ улусѣ Хабаровъ остановился отдохнуть. Передъ вечеромъ караульные, поставленные на всякій случай, оповѣстили, что къ городу подъѣхали три всадника. Оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ самъ князь Лавкай; стали съ подъѣхавшими черезъ переводчика вести переговоры.

— Что вы за люди, откуда и зачѣмъ къ намъ пришли?—спросилъ Лавкай.

— А затѣмъ мы къ вамъ пришли, — отвѣчали казаки,—чтобы вести съ вами торгъ.

— Зачѣмъ обманываете насъ, — сказалъ Лавкай, — вовсе не затѣмъ вы къ намъ пришли; вы задумали убить насъ всѣхъ, отнять наше добро и взять въ плѣнъ женъ и дѣтей нашихъ; оттого мы и города свои побросали.

Послѣ этихъ словъ Лавкай и его спутники повернули своихъ коней и быстро скрылись изъ глазъ казаковъ. Двинулся въ путь Хабаровъ на другой день и дошелъ до четвертаго города, который тоже оказался пустымъ. Черезъ день вошли въ пятый брошенный городъ; здѣсь въ одномъ домѣ нашли какую-то старуху и стали ее разспрашивать. Сперва старуха не хотѣла было ничего говорить, но какъ стали ее пытать, то она не вытерпѣла боли и раз-

сказала, что Лавкай съ своими людьми поджидаетъ русскихъ недалеко отъ города богатаго князя Богдоя; Богдой, по ея словамъ, со всѣхъ даурскихъ князьковъ беретъ дань и живетъ въ большомъ городѣ, въ которомъ много лавокъ; въ его странѣ много золота и серебра и всякихъ богатствъ, но что есть еще другой князь, которому подвластенъ самъ Богдой. Эти разсказы устрашили Хабарова; онъ не надѣялся съ своими небольшими силами устоять противъ даурскихъ князьковъ; поэтому онъ вернулся въ первый попавшійся ему на встрѣчу улусъ; въ немъ онъ оставилъ часть своихъ людей, а самъ вернулся въ Якутскъ. Хабаровъ донесъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ воеводѣ и увѣрялъ, что во всей Сибири не найти такой плодородной, обильной земли.

— Одна бѣда,—говорилъ онъ,—что людей у меня мало; будь побольше, то тогда заставилъ бы я даурскихъ людей царю русскому дань платить, и тогда въ Якутскъ казнѣ и хлѣба не надо будетъ присылать.

И вотъ сталъ Хабаровъ набирать опять людей; собралось у него болѣе полутораста удальцовъ—охотниковъ до наживы. Воевода съ своей стороны отпустилъ съ Хабаровымъ во второй походъ двадцать ратныхъ людей, далъ ему три пушки и обѣщалъ въ случаѣ нужды выслать подмогу. Осенью 1650 г. Хабаровъ опять появился на берегахъ Амура. Онъ нашелъ цѣлыми оставленныхъ имъ людей, которые въ его отсутствіе не разъ подвергались нападенію даурскихъ людей. Неподалеку отъ городка Албазина произошла жаркая схватка. Казаки одолѣли дауровъ и выгнали ихъ изъ Албазина, гдѣ нашлись

большіе запасы хлѣба. Напуганные дауры разбѣжались въ разныя стороны; на счастье, казакамъ удалось захватить въ плѣнъ нѣсколькихъ человѣкъ; отъ нихъ они развѣдали, что по р. Амуру живетъ девять владѣтельныхъ князьковъ, которые платятъ дань Богдойскому (китайскому) хану; самъ же китайскій ханъ Богдой подчиненъ другому, у котораго имя «еще мудренѣе». Сколько ни было схватокъ съ даурами, во всѣхъ побѣдителями оставались казаки. Послѣ такихъ удачъ Хабаровъ писалъ якутскому воеводѣ, что «завладѣть даурской землей можно, и будетъ тогда эта земля великому государю вторымъ Сибирскимъ царствомъ. Если что, то можно послать войско и на Богдойскаго хана и на того, коимъ онъ въ ханы посаженъ. Богдойскаго хана подвести подъ высокую государеву руку выгодно, потому что въ его царствѣ есть серебряная гора, и только 7 дней ѣзды до нея съ Амура. Жемчугу еще много у него и дорогого каменья; только справа съ нимъ будетъ не такая легкая, какъ съ даурскими людьми, потому что у него есть каменные и деревянные города съ пушками, и на бой выходитъ съ копьями, кривыми саблями и луками. Около верховья Амура живетъ все народъ слабый, бѣжитъ онъ отъ русской силы къ нижнему Амуру, поближе къ сильнымъ людямъ, которые, слышно, ясака никому не платятъ.

Когда наступило лѣто, Хабаровъ съ своими людьми двинулся внизъ по р. Амуру. Они плыли въ своихъ небольшихъ лодкахъ; по берегамъ виднѣлись сожженные даурскіе городки. Черезъ нѣсколько дней плаванія они причалили къ берегу, на которомъ раскинулся уцѣлѣвшій городокъ одного дауръ-

ского князька. Дауры сначала вздумали было не пускать казаковъ въ своей городокъ, но когда тѣ стали по нимъ стрѣлять, то они обратились въ бѣгство, и Хабарову безъ большого труда удалось овладѣть ихъ городкомъ. Здѣсь казаки нашли нѣсколько человѣкъ въ дорогихъ шелковыхъ платьяхъ; они не принимали участія въ битвѣ. Оказалось, что это были манджурскіе люди, которыхъ богдойскій ханъ посылаетъ за данью; они сказали Хабарову, что ханъ запретилъ воевать имъ, манджурскимъ людямъ, съ русскими, но что велѣлъ спросить ихъ, зачѣмъ они пришли въ эти мѣста. Хабаровъ обошелъ этотъ вопросъ молчаніемъ, ласково поговорилъ съ манджурскими людьми и даже надѣлилъ ихъ подарками. Въ этомъ городкѣ Хабаровъ прожилъ полтора мѣсяца. Отъ плѣнниковъ онъ узналъ, что по р. Зеѣ—лѣвому притоку Амура—имѣются городки и селенія.

Тогда Хабаровъ поплылъ по этой рѣкѣ и здѣсь одолѣлъ даурскихъ князей и заставилъ ихъ заплатить ясакъ. Казаки пожгли городки, а сами двинулись дальше по Амуру. Вскорѣ они достигли до улусовъ *дучарскихъ* людей, которые обитали по берегамъ Амура, въ сосѣдствѣ съ даурами. Дучеры оказались «народомъ смирнымъ», и казакамъ не трудно было съ ними справиться. За Дучерской землей казаки повстрѣчались съ *ачанами*. Сначала ачаны притворились покорными казакамъ и обѣщались платить ясакъ русскому государю; тѣмъ временемъ они высмотрѣли силы русскихъ и однажды, рано утромъ, вмѣстѣ съ дучерами напали на казаковъ. Но въ концѣ-концовъ казаки все-таки одержали верхъ, и послѣ этой побѣды Хабаровъ писалъ

такъ: «И напалъ на нихъ, собакъ-иновѣрцевъ, страхъ Божій и противъ царской грозы и нашего боя устоять не могли и побѣжали врозь, а мы за ними побѣжали и въ тылъ ихъ многихъ побили, и въ струги они, иновѣрцы, побросались и на великую рѣку Амуръ отгребали, а струги у нихъ большіе и съ выходами, и крашеные, а въ одинъ стругъ садится по 50-ти, по 60-ти человѣкъ». Послѣ этой битвы ачаны принесли свой ясакъ. Въ городкѣ, захваченномъ у ачанъ, Хабаровъ рѣшилъ перезимовать. Плохо приходилось ачанамъ отъ казаковъ, и рѣшили они просить помощи у манджурскаго хана; тотъ пожалѣлъ ихъ и приказалъ князю Испею отправиться противъ русскихъ; онъ далъ ему 2000 конныхъ людей и шесть пушекъ, и наказалъ захватить русскихъ живьемъ. Весной 1652 года манджуры пришли къ ачанскому городку и стали палить изъ пушекъ. Сначала это обстоятельство сильно удивило и напугало казаковъ, но манджуры оказались неумѣлыми воинами, и казаки ихъ скоро осилили.

Несмотря на одержанную побѣду, Хабаровъ побоялся плыть дальше внизъ по р. Амуру и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (1652 г.) казаки двинулись въ обратный путь. А между тѣмъ въ Якутскѣ сильно безпокоились о судьбѣ Хабарова и его казаковъ; уже давно туда не доходило никакихъ извѣстій о нихъ. Наконецъ, якутскій воевода рѣшилъ послать Хабарову подмогу; нѣсколько десятковъ казаковъ, подъ командой Тренки Чичегина, отправились на розыски хабаровцевъ. Но не скоро удалось имъ встрѣтиться съ товарищами. Между прочимъ, Чичегинъ послалъ Ивана Нагибу съ тридцатью казаками искать

Хабарова по Амуру. Дойдя до Амура и разойдясь съ Хабаровымъ, казаки построили нѣсколько струговъ (лодокъ) и пустились внизъ по теченію этой рѣки; много приключеній было съ ними дорогой, и много бѣдъ пришлось имъ испытать; дучеры, натки и въ особенности гиляки все время преслѣдовали ихъ и осыпали ихъ легкія лодки тысячами стрѣлъ. Но несмотря на все это, Нагиба довольно удачно добрался до устья Амура, впадающаго въ море. Но и здѣсь онъ не нашелъ хабаровцевъ. Тогда онъ рѣшилъ вернуться обратно, но побоялся возвращаться старой дорогой. Онъ приказалъ казакамъ смастерить еще нѣсколько лодокъ, и поплыли они на нихъ Охотскимъ моремъ.

На обратномъ пути Хабарову пришлось перенести много невзгодъ; началось съ того, что около устья рѣки Зеи у казаковъ вышло разногласіе; недовольные, въ количествѣ 136 человѣкъ, отдѣлились отъ Хабарова и этимъ поставили его въ большое затрудненіе. Хабаровъ, извѣщая о томъ якутскаго воеводу, писалъ, что «воры учинили государевой службѣ поруху» что у него очень мало людей и съ ними нельзя завоевать амурскія земли. Пятаго августа 1652 года въ Якутскѣ опять была получена отъ Хабарова вѣсть. Онъ просилъ выслать ему на подмогу шесть тысячъ человѣкъ; «съ ними, —писалъ онъ, —можно всякую дуарскую силу разгромить». Воевода донесъ объ этомъ въ Москву. Правительство осталось очень довольно завоеваніями казаковъ и поспѣшило удовлетворить просьбу Хабарова, но при этомъ строго-на-строго наказывало довольствоваться сборомъ ясака и отнюдь не грабить ни дуаровъ, ни манджуровъ. Изъ Москвы былъ

отправленъ въ Сибирь дворянинъ Зиновьевъ, который долженъ былъ напередъ развѣдать подробно всѣ обстоятельства и передать царскія награды удалымъ казакамъ. Вслѣдъ за нимъ на р. Амуръ изъ Москвы было послано три тысячи стрѣльцовъ. Зиновьевъ, пріѣхавъ въ Амурскій край, передалъ Хабарову и его товарищамъ царское спасибо и 320 червонцевъ. Казаки, несмотря на приказаніе, не переставали заниматься грабежами. Зиновьевъ ничего не могъ подѣлать съ этой буйной вольницею, тѣмъ болѣе, что онъ сразу лишилъ себя довѣрія казаковъ, обошедшись круто съ ихъ атаманомъ. Онъ обвинилъ Хабарова въ томъ, что тотъ утаилъ царскую казну, и отправилъ его въ Москву, гдѣ былъ учиненъ надъ казацкимъ атаманомъ судъ. Въ концѣ концовъ Ерофей Хабаровъ былъ оправданъ; царь пожаловалъ его въ «сыны боярскіе» и назначилъ «государевымъ прикащикомъ» надъ селеніями по р. Ленѣ. Недолго, однако, оставалось Хабарову жить; черезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи изъ Москвы онъ умеръ. Много разсказовъ о храбрыхъ подвигахъ оставилъ онъ по себѣ, и до сего времени живы эти разсказы въ памяти сибиряковъ. Зиновьеву, не поладившему съ казаками, пришлось покинуть Сибирь и уѣхать обратно въ Москву. Онъ поручилъ управленіе краемъ казаку Онуфрію Степанову. Но и Степановъ не могъ ничего сдѣлать съ казаками, которые рвались на грабежъ, а грабить близко некого было, такъ какъ жители удалились. Пришлось далеко ходить за съѣстными припасами. Наконецъ, припасовъ совсѣмъ не стало, и вотъ, среди богатѣйшей страны, несчастные стали умирать съ голоду. Около четырехъ пятыхъ всего степановскаго отряда по-

гибло голодною смертью, а изъ остальныхъ,—270 человѣкъ, вмѣстѣ съ Степановымъ, легло костьми въ неравномъ бою съ манджурами,—и только 230 человѣкъ возвратились въ Якутскъ Съ разсѣяніемъ отряда Степанова Амуръ совсѣмъ было обезлюдѣлъ. Но вотъ сюда въ 1666 году бѣжитъ, съ толпою вольницы, полякъ Черниговскій, заводитъ пашни и поселеніе. Вмѣстѣ съ этимъ опять пошли слухи о казацкихъ грабежахъ. Положимъ, казаки не все грабили: ихъ набѣги и завоеванія все болѣе и болѣе расширяли область русскихъ владѣній. Съ своей стороны, московское правительство, сознавая всю важность этихъ завоеваній, рѣшило обратить серьезное вниманіе на новооткрытыя земли и образовать изъ нихъ отдѣльное воеводство. Первымъ воеводой, отправленнымъ туда, былъ Алексѣй Толбузинъ; его щедро снабдили войскомъ и деньгами и приказали поселиться въ г. Албазинѣ, который былъ заложенъ еще Хабаровымъ. А между тѣмъ манджурскіе князья рѣшили во что бы то ни стало отбросить русскихъ завоевателей за горы, такъ какъ они боялись, чтобы эти смѣльчаки, несмотря на свою малочисленность, не причинили бы имъ много хлопотъ. Вотъ почему, вскорѣ послѣ назначенія Албазина мѣстопребываніемъ новаго воеводы, китайцы отправили большое войско, которому было поручено разрушить Албазинъ и прогнать русскихъ. Но благодаря храбрости казаковъ, китайцамъ не легко было вытѣснить русскихъ съ Амура. Однако, въ концѣ концовъ китайцы одолѣли русскихъ казаковъ. Когда начались переговоры русскаго правительства съ китайскимъ богдыханомъ (императоромъ), то первымъ условіемъ было по-

ставлено переходъ Пріамурскаго края въ руки китайцевъ и полное разореніе Албазина. Волей-неволей, а пришлось согласиться на это. Въ царствованіе императора Александра II Россія рѣшила возвратить себѣ этотъ край. Съ этой цѣлью въ 1854 году генералъ-губернаторъ восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, во главѣ небольшого отряда, спустился внизъ по р. Амуру, овладѣлъ лѣвымъ берегомъ этой рѣки и построилъ здѣсь нѣсколько крѣпостей. Китайцы, сознавая, что имъ не подъ силу бороться съ русскими войсками, добровольно уступили Россіи земли, лежащія по лѣвому берегу Амура и его притоку Уссури, которыя открыли ей выходъ къ океану.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Какъ покорили русскіе казаки сѣверо-восточный уголъ Сибири. Походы Бузы, Булдакова и Дежнева. Казаки на берегахъ Охотскаго моря.

Въ то самое время, когда наши казаки воевали съ иновѣрцами, жившими въ пріамурскихъ земляхъ, совершалось покореніе сѣверо-востока Сибири. Мы видѣли, какъ трудно доставались казакамъ побѣды надъ даурами, гиляками, ачанами и китайцами; много пришлось перетерпѣть русскимъ завоевателямъ во время походовъ на рѣку Амуръ; на плодородныхъ земляхъ южной Сибири жили племена осѣдлыя, имѣвшія свои города и селенія; съ ними не легко было воевать: во-первыхъ, потому, что они дѣйствовали дружно, а во-вторыхъ, что въ трудныхъ обстоятельствахъ они всегда искали защиты у манджуровъ, которымъ были извѣстны и порохъ, и пушки.

Не то мы видимъ на сѣверо-востокѣ Сибири; тамъ по необъятнымъ равнинамъ и дремучимъ лѣсамъ бродили бѣдныя племена инородцевъ; у нихъ не было ни городовъ, ни селеній; все ихъ богатство заключалось въ оленьихъ стадахъ, а главнымъ занятіемъ была охота на пушного звѣря. Свои стада оленей, которые имъ давали шкуру, мясо и жилы, они перегоняли съ мѣста на мѣсто, ища лучшихъ пастбищъ. Этимъ бѣднымъ сѣвернымъ инородцамъ (юкагирамъ, остякамъ, корякамъ, чукчамъ и пр.) приходилось бороться съ суровой природой, которая была для нихъ мачехой. Часто между ними бывали ссоры изъ-за кормовыхъ мѣстъ, оленей и многаго другого. Казакамъ не трудно было воевать съ ними, и покореніе сѣверо-востока Сибири шло успѣшно. Сначала тамошніе инородцы, не привыкшіе никому платить дани, сопротивлялись, но ихъ сопротивленіе было слишкомъ ничтожно; они вскорѣ простились съ своей волей и подпали подъ власть русскаго царя. Плохо пришлось инородцамъ далекаго сѣверо восточнаго угла Сибири отъ встрѣчи съ казаками; часто приходилось имъ испытывать жестокія преслѣдованія, переносить грубое отношеніе съ собой и платить тяжелую подать. Не мало вначалѣ удивлялись они, когда казаки требовали у нихъ ясакъ отъ имени своего государя; они даже не могли представить себѣ, откуда къ нимъ пришли такіе «бородатые люди» и что ихъ привело къ нимъ. Главное затрудненіе для казаковъ въ завоеваніи сѣверо-востока Сибири заключалось въ борьбѣ съ суровой природой; сибирскіе бураны, трескучіе морозы, голодъ, однако, не устрашили храбрыхъ при-

шельцевъ; твердо надѣялись они на свои силы и шли на-проломъ впередъ.

Какъ на юго-востокѣ, Сибири, такъ и на сѣверо-востокѣ, казаки двигались впередъ большею частью по рѣкамъ. На сѣверо-востокѣ главными рѣками (считая вправо отъ р. Лены) были: Яна, Индигирка, Колыма и Анадырь.

Въ 1636 году изъ Енисейска былъ отправленъ съ десятью казаками Елисей Буза; ему было наказано оглядѣть рѣки, которыя текутъ въ Ледовитый океанъ, и обложить податью тамошнихъ людей. Къ небольшому отряду Бузы примкнуло человѣкъ 40 охотниковъ; большая часть изъ нихъ были промышленники. Сперва Елисей Буза съ своимъ отрядомъ плылъ по р. Ленѣ, а потомъ сухопутьемъ добрался до рѣки Яны. Три недѣли двигались казаки по этой рѣкѣ, и здѣсь они повстрѣчали якутовъ, которые переселились сюда съ юга; они добровольно заплатили казакамъ ясакъ, съ которымъ послѣдніе отправились въ Якутскъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году Елисею Бузѣ «приказано» было «итти на р. Индигирку и искать новыхъ людей». Тотъ же небольшой отрядъ опять пустился въ путь и по р. Янѣ добрался до Ледовитаго океана; съ большимъ трудомъ доплыли они до устья р. Индигирки, и здѣсь ими былъ поставленъ первый русскій острожекъ. Въ этихъ мѣстахъ казаки встрѣтили юкагировъ и взяли съ нихъ ясакъ. Долго прожилъ Буза среди юкагировъ и только черезъ три года отправился въ обратный путь и привезъ воеводѣ слѣдующія вѣсти:

«Живутъ юкагиры на высокомъ рѣчномъ юру, въ землянкахъ, все люди пѣшіе; нѣтъ у нихъ ни оленей, ни лошадей, зато много серебра. Руда сере-

бряная лежитъ въ горѣ, недалеко отъ моря, въ утесѣ, а повыше устья, по рѣкѣ, руды той немного». Когда до Якутска дошли вѣсти о серебряной рудѣ, то воеводы не разъ отправляли на Индигирку небольшіе отряды казаковъ на розыски; однако казаки серебряной руды тамъ не нашли. Приходившіе на р. Индигирку казаки жестоко обращались съ юкагирами, которые долго съ покорностью сносили всѣ несправедливости, но, наконецъ, ихъ терпѣніе истощилось, и они задумали освободиться отъ нежеланныхъ гостей. Тогда для усмиренія юкагировъ былъ посланъ новый отрядъ казаковъ. Юкагиры были разбиты, и эта побѣда помогла русскимъ окончательно укрѣпиться на берегахъ Яны и Индигирки. Почти въ самое это время одному казаку, по имени Михалкѣ Стадухину, удалось добраться до рѣки Колымы. Два года пробылъ онъ на ея берегахъ и писалъ воеводѣ, что «Колыма рѣка велика, идетъ въ море; живутъ по ней иноземцы, колымскіе мужики, оленные и пѣшіе люди, и говорятъ на своемъ языкѣ. Если по Колымѣ плыть влѣво, то на лѣвой рукѣ будетъ островъ; островъ этотъ длинепъ, и зимой чукотскій народъ (чукчи) переѣзжаютъ на него въ одинъ день и бьютъ на томъ островѣ морского звѣря моржа, отъ котораго привозятъ головы съ зубами». Писалъ также Стадухинъ, что по р. Колымѣ водится въ изобиліи хорошій черный соболь. На рѣкѣ Колымѣ Стадухинъ поставилъ первый русскій острожекъ.

Когда до якутскаго воеводы дошли вѣсти, что на р. Колымѣ водится много соболей, то онъ отправилъ туда партію казаковъ подъ начальствомъ Тимоѳея Булдакова. Въ 1649 году вышли они изъ

Якутска п, съ большимъ трудомъ добравшись до р. Индигирки, выплыли по ней въ море. Много горестей пришлось испытать казакамъ въ открытомъ морѣ: льды тормозили ихъ путь, а цынга и недостатокъ въ хлѣбѣ грозили имъ голодною смертью. Только черезъ годъ дошелъ Булдаковъ до острожка на рѣкѣ Колымѣ, поставленнаго Стадухинымъ.

На востокѣ отъ этой рѣки, далеко къ сѣверу, тянется длинный хребетъ Становыхъ или Яблоновыхъ горъ. Не разъ и прежде казаки переходили на югъ черезъ него; но чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ обнаженнѣе каменныя скалы горнаго хребта, тѣмъ все суровѣе прпрода. Казакамъ было извѣстно онъ инородцевъ, что по ту сторону Становыхъ горъ течетъ быстрая рѣка Анадырь. Нашлись охотники провѣдать эту рѣку, гдѣ жили люди, еще не знавшіе ни казаковъ, ни ясака. Охочихъ людей повелъ Семенъ Дежневъ; и въ 1648 г. онъ дошелъ до рѣки Анадыря, поставилъ тамъ острожекъ, и это маленькое казачье поселенье стало до поры до времени самымъ крайнимъ изъ русскихъ владѣній на востокѣ: до Москвы оттуда было десять тысячъ верстъ.

Родиной Семена Дежнева былъ г. Великій Устюгъ, а большую часть своей жизни онъ пробылъ въ Сибири. Здѣсь служба Дежнева прошла въ неустанныхъ походахъ, нерѣдко соединенныхъ съ опасностью для жизни. Служба его состояла въ томъ, что его посылали съ небольшими партіями казаковъ искать «новыхъ земляцъ», покорять встрѣчающихся на пути инородцевъ и брать съ нихъ ясакъ. Гдѣ только ни побывалъ Дежневъ и сколько разъ приходилось ему отбиваться отъ инородцевъ! Доподлинно извѣстно, напримѣръ, что онъ

съ 13 казаками на рѣкѣ Колымѣ сразился съ 500 человѣкъ юкагировъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ 1648 году Дежневъ отправился вмѣстѣ съ холмогорскимъ купцомъ Ѳедотомъ Алексѣевымъ провѣдать земли за рѣкой Колымой. Съ ними было всего человѣкъ двадцать пять казаковъ. Благополучно дойдя до устья рѣки Колымы, Дежневъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ вышелъ въ море; долго носило смѣльчаковъ по непривѣтливому сѣверному морю, и, наконецъ, волны выбросили легкія казачьи лодки на берегъ, за Анадырь рѣку. Ровно десять дней шли они до р. Анадыря, и чего только не натерпѣлись они за это время!

Двѣнадцать человѣкъ изъ казаковъ погибли среди снѣжныхъ вьюгъ холодной Сибири, а съ остальными Дежневъ пошелъ дальше по Анадырю. Здѣсь имъ пришлось встрѣтиться съ анаульскими людьми, которыхъ казаки одолѣли и взяли съ нихъ небольшой ясакъ. Шесть лѣтъ пробылъ въ этихъ мѣстахъ Дежневъ съ своимъ отрядомъ; казаки занимались охотничьимъ промысломъ и частенько перебирались по ту сторону Становыхъ горъ. Побывалъ Дежневъ съ своими людьми и на сѣверо-восточномъ мысѣ, послѣ чего доносилъ воеводѣ, что этотъ «Большой Носъ» вышелъ далеко въ море и противъ него есть острова, а на нихъ зубатые люди. Прозваны они такъ за то, что продѣваютъ въ носъ два костяныхъ зуба *). А по дорогѣ къ «Большому Носу» живутъ чукчи и коряки. Съ этими инородцами у казаковъ вышла схватка, при чемъ побѣдителями остались русскіе **).

---

*) Это своего рода украшеніе у дикарей, какъ у насъ серьги, кольца, бусы и проч.

**) Изъ донесеній Дежнева видно, что онъ побывалъ и въ про-

На среднемъ теченіи р. Анадыря Дежневъ устроилъ зимовье, преобразованное потомъ въ Анадырскій острогъ. Много бѣдъ и горестей испыталъ Дежневъ съ своими казаками на берегахъ этой далекой рѣки: хлѣба у нихъ совсѣмъ не было, и приходилось питаться одной только рыбой. Черезъ 11 лѣтъ послѣ открытія р. Анадыря, Дежневъ возвратился въ Якутскъ; отсюда онъ былъ посланъ съ государевою казною въ Москву, гдѣ и былъ награжденъ по заслугамъ.

Такимъ-то путемъ укрѣпились русскіе на самомъ дальнемъ сѣверо-востокѣ обширной Сибири.

Въ то время, какъ Дежневъ совершалъ свой дальній походъ и съ такимъ трудомъ добрался до рѣки Анадыря, другая партія казаковъ сражалась съ инородцами, жившими по берегамъ Охотскаго моря. Уже послѣ 1650 года Иванъ Афанасьевъ съ пятидесятью казаками добрался до р. Охоты; по берегамъ этой рѣки жили тунгусы. Съ ними часто приходилось сражаться казакамъ, и ихъ было не такъ легко покорить, какъ чукчей и коряковъ. Не разъ къ нимъ приходили на помощь якуты, жившіе съ ними по сосѣдству.

Казаки въ донесеніяхъ своихъ жаловались, «что имъ на Охотѣ-рѣкѣ житья нѣтъ, что иноземцы жестоки, и просили государя пожаловать ихъ чѣмъ-нибудь за службу, за кровь и раны».

ливѣ, который отдѣляетъ Азію отъ Америки; этотъ проливъ ранѣе не былъ совсѣмъ извѣстенъ европейцамъ. Восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ открытія Дежневымъ этого пролива, на немъ побывалъ одинъ путешественникъ: его фамилія была Берингъ, а родиной его была Данія. Берингъ отправился въ далекое путешествіе съ той цѣлью, чтобы отыскать на сѣверѣ проливъ между Азіей и Америкой; ему, конечно, ничего не было извѣстно объ открытіи Дежневымъ этого пролива. Поиски Беринга увѣнчались успѣхомъ, и съ тѣхъ поръ этотъ проливъ стали называть *Беринговимъ*.

Казаки было построили на р. Охотѣ острожекъ, но тунгусы сожгли его до тла; объ этомъ донесли въ Якутскъ, и оттуда была послана казакамъ подмога. Построивъ вновь небольшой острожекъ, казаки не переставали враждовать съ инородцами; тамошніе обитатели особенно были недовольны притѣсненіями казаковъ. Хотя изъ Москвы, какъ мы уже упомянали, то и дѣло шли указы о людскомъ обращеніи съ иноземцами, но Москва-то была, вѣдь, очень далеко, а надзоръ за казаками былъ плохой, и они вымогали отъ инородцевъ втрое больше того, чѣмъ слѣдовало. Вотъ почему тунгусы такъ часто поднимались на русскихъ; а такъ какъ казаковъ на р. Охотѣ было ничтожное число, то нападенія на нихъ дикарей становились все чаще и смѣлѣе. Однако по мѣрѣ того, какъ на рѣку Охоту приходили вновь посланные изъ Якутска казаки, инородцы Охотскаго побережья стали смиряться и, въ концѣ-концовъ они покорились державѣ русскаго царя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Завоеваніе полуострова Камчатки. Владиміръ Атласовъ. Данила Анцыфоровъ.

Еще до Дежнева доходили слухи, что «не подалеку отъ р. Колымы лежитъ богатая пушнымъ звѣремъ и большая земля Камчатка». Спутнику Дежнева, холмогорскому купцу Ѳедоту Алексѣеву, даже удалось побывать тамъ, но онъ и его люди были всѣ до одного перерѣзаны коряками.

Въ 1695 году якутскій воевода отправилъ служилаго человѣка Владиміра Атласова собирать ясакъ

въ земли, лежащія за р. Анадыремъ. Атласовъ былъ устюжскій крестьянинъ, семья котораго «отъ скудости» переселилась въ Сибирь. «Свои молодые годы онъ прокочевалъ по восточной Сибири, перебывалъ во многихъ ленскихъ городахъ, потомъ записался въ якутскіе казаки и началъ справлять государеву службу». Съ Атласовымъ отправилось всего-на-всего тринадцать казаковъ. Имъ было наказано не только объясачить живущихъ тамъ коряковъ и юкагировъ, но и развѣдывать о сосѣднихъ народцахъ. Казаки выступили изъ Якутска весною и цѣлыхъ пятнадцать недѣль шли до Анадырскаго острога. Они пробирались и пѣшкомъ, и на лошадяхъ, и на оленяхъ, а гдѣ было нужно, плыли на лодкахъ. Отъ коряковъ и юкагировъ, которые кочевали съ своими оленями вдоль береговъ р. Анадыря, Атласову часто приходилось слышать про Камчатку. Чтобы провѣрить эти слухи, Атласовъ отправилъ Луку Морозко съ нѣсколькими казаками на развѣдки. Имъ удалось дойти до рѣки Тагиля и взять ясакъ съ одного коряцкаго острожка. Хотя до р. Камчатки оставалось всего какихъ-нибудь четыре дня пути, но Морозко побоялся итти далѣе и вернулся къ Атласову съ добрыми вѣстями и небольшимъ ясакомъ. Разспросивъ обо всемъ подробно, Атласовъ рѣшилъ попытать счастье и, набравъ 120 человѣкъ, весной 1697 года выступилъ съ ними въ походъ. Половина изъ бывшихъ съ нимъ людей были русскіе, а другая половина — юкагиры. Походъ Атласова начался удачно: ему удалось объясачить безъ всякаго сопротивленія три коряцкихъ селенія. Затѣмъ онъ повстрѣчался съ камчадалами, которые оказали сильное сопротивленіе;

однако казаки одолѣли ихъ, и они уплатили ясакъ. Въ память этого событія Атласовъ поставилъ на рѣкѣ Канучѣ крестъ и двинулся дальше. Наконецъ, онъ дошелъ до самой крайней изъ западныхъ рѣчекъ» — «Камчатки-Озерной» и объясачилъ всѣхъ встрѣтившихся ему на ней инородцевъ. На обратномъ пути Атласовъ заложилъ на рѣкѣ Камчаткѣ острожекъ и оставилъ въ немъ пятнадцать человѣкъ. Плохая участь выпала на долю послѣднихъ: они всѣ до одного были убиты озлобленными коряками. Только послѣ трехлѣтнихъ странствованій Атласовъ возвратился въ Якутскъ и донесъ о покореніи Камчатки и о богатствахъ этого края. Воевода отправилъ Атласова въ Москву съ добытой казною. Въ это время на русскомъ престолѣ сидѣлъ молодой царь Петръ. Атласовъ привезъ царю первую камчатскую ясачную казну, состоявшую изъ 80 сороковъ соболей, 17 морскихъ бобровъ, 4 выдръ, 10-ти лисицъ черныхъ и 190 красныхъ. Царь милостиво принялъ Атласова и пожаловалъ его въ «казацкіе головы». Ему повелѣно было, набравъ въ Тобольскѣ, Енисейскѣ и Якутскѣ сто человѣкъ охотниковъ въ казачью службу, вновь итти съ ними на Камчатку; даны были также пушки съ пищалями и нѣсколько пудовъ свинцу. Кромѣ того, ему было дано полномочіе казнить непокорныхъ инородцевъ смертью, а подчиненныхъ своихъ наказывать «не токмо батогами, но и кнутомъ». Атласовъ усердно воспользовался этими полномочіями; его крутое обхожденіе съ подчиненными возстановило противъ него не только инородцевъ, но и казаковъ. Ему едва удалось спастись отъ взбунтовавшихся противъ него казаковъ и бѣжать въ Нижне-Камчатскъ

(такъ назывался поставленный на р. Камчаткѣ острожекъ). Одни говорятъ, что онъ былъ зарѣзанъ, а другіе утверждаютъ, что онъ умеръ здѣсь своей смертью. Объ этомъ было донесено въ Москву. Царь послалъ въ Камчатку боярскаго сына Чрикова, который долженъ былъ замѣнить Атласова. Между тѣмъ казаки выбрали себѣ въ атаманы Данилу Анцыфорова. Когда пріѣхалъ Чриковъ, то атаманъ приказалъ казакамъ его арестовать; несчастнаго московскаго посланника схватили, заковали въ цѣпи, а потомъ утопили. Затѣмъ казаки разграбили Верхне-Камчатскъ и захватили всѣ тамошніе припасы и снаряды. Опасаясь царскаго гнѣва. Анцыфоровъ послалъ въ Якутскъ нѣсколько казаковъ съ повинной, а самъ отправился на Большую рѣку громить камчадаловъ, которые все еще стояли за свою волю и никакъ не хотѣли покориться русскому царю. Походъ Анцыфорова былъ вполнѣ удаченъ: онъ побѣдилъ камчадаловъ, и Камчатка оказалась въ рукахъ русскихъ. Скоро дорога была расчищена и далѣе — вплоть до Курильскихъ острововъ. Въ 1712 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, Анцыфоровъ вмѣстѣ съ 25 казаками отправился собирать ясакъ въ Авачу; сначала камчадалы приняли его хорошо. Для Анцыфорова съ товарищами какъ разсказываютъ, былъ отведенъ особый большой балаганъ съ подъемными дверями; камчадалы-авачинцы надарили подарковъ, обѣщаясь платить ясакъ, и дали лучшихъ аманатовъ (т. е. заложниковъ). Но все это былъ одинъ обманъ, отместка за старое: на другую ночь они подожгли балаганъ, и Анцыфоровъ съ казаками и аманатами умеръ страшной смертью. Аманаты горѣли и кри-

чали своимъ, что скованы, что выйти имъ нельзя, но что пусть ихъ жгутъ, только бы искоренить ихъ враговъ-казаковъ. Вотъ до чего не любили камчадалы русскихъ пришельцевъ! Зачинщиковъ бунта ждала казнь, и оставшіеся въ живыхъ послѣ авачинскаго пожара поплатились кто головой, а кто спиной.

Хотя Камчатка была окончательно покорена, но не скоро удалось русскимъ завести тамъ порядокъ: казаки своевольничали, а камчадалы по временамъ бунтовались; начальники, которые посылались туда, позабывали свои прямыя обязанности и лишь помнили о наживѣ. Много русскихъ погибло въ это время и отъ собственной ихъ неурядицы, изъ-за корыстолюбія, взаимныхъ распрей и своеволія, доходившаго до того, что острогъ шелъ войною на острогъ, и начальники, присылавшіеся изъ Якутска, то и дѣло были убиваемы. Только съ открытіемъ морского сообщенія, казацкому своеволію на Камчаткѣ былъ положенъ конецъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Кѣмъ въ позднѣйшіе времена заселялась Сибирь. Ссыльные. Переселенцы. Золотые пріиски.

Прошло какихъ нибудь сто лѣтъ послѣ смерти Ермака, а Сибирь, отъ Уральскихъ горъ до Камчатки, отъ Ледовитаго моря до Китая, цѣликомъ уже принадлежала русскимъ. Мы видѣли, какъ по слѣдамъ Ермака двинулась Русь въ безпредѣльныя страны сѣверной Азіи, покоряя страну за страною и оставляя повсюду слѣды своего поселенія. Главная заслуга въ дѣлѣ покоренія Сибири несомнѣнно принадлежитъ казакамъ: эти удальцы, отыскивая

«новыя земли», вмѣстѣ съ тѣмъ покоряли новые народы и заставляли ихъ платить ясакъ. Казакамъ пришлось перенесть столько трудностей и лишеній, что нельзя не удивляться ихъ выносливости и безконечной храбрости: итти на лыжахъ сотни верстъ по снѣгамъ въ невѣдомую землю, зимовать гдѣ-нибудь въ пещерѣ, вырытой въ сугробѣ, питаясь только скуднымъ запасомъ сухарей, а иногда древесной корой, было для нихъ обычнымъ дѣломъ. Вслѣдъ за ними шли въ Сибирь землепашцы, пролагались новыя дороги, строились города, возникали села, церкви, водворялась русская жизнь. Цѣлой волной двинулся русскій народъ за Уральскія горы, и съ этой волной ни татары, ни другіе инородцы Сибири не могли справиться. Московскіе цари заботились о заселеніи Сибири, понимая, что только этимъ можно удержать за собою такую огромную страну. Даже бѣглыхъ русскихъ людей, тѣхъ крѣпостныхъ, которые бѣжали отъ помѣщиковъ, тамъ не трогали, лишь бы они занимались хлѣбопашествомъ. Много народа было переселено за Уралъ и приписано къ заводамъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ Сибирь переселилось болѣе, чѣмъ сто тысячъ государственныхъ крестьянъ. Заселялась Сибирь, какъ мы уже упоминали, и ссыльными, т.-е. людьми, чѣмъ-либо провинившимися. Ссылать въ Сибирь начали вскорѣ послѣ Ермака.

Въ настоящее время въ Сибирь ссылается ежегодно до девятнадцати тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ двѣ тысячи идутъ въ каторгу и отбываютъ ее въ Восточной Сибири: одни въ Иркутской губерніи, другіе въ Забайкальской области, а добрая половина всѣхъ отбываетъ каторгу на островѣ Сахалинѣ.

По отбытіи своего срока каторжникъ освобождается отъ острожныхъ работъ. Онъ уже не каторжникъ, а ссыльно поселенецъ. Ему назначается мѣсто для постояннаго житья и только черезъ десять лѣтъ послѣ этого разрѣшаютъ селиться гдѣ угодно въ Сибири; онъ можетъ поселиться въ городѣ или приписаться къ сельскому обществу. Только на родину не можетъ онъ вернуться никогда.

Въ чемъ же состоятъ работы каторжниковъ?

Въ Иркутской каторжной тюрмѣ,—говорится въ одной книгѣ,—ихъ заставляютъ дѣлать кирпичи и молоть для себя хлѣбъ на ручныхъ жерновахъ; часть каторжниковъ занимается сапожнымъ и столярнымъ ремесломъ. Въ Забайкальской области каторжники копаютъ золото и серебро въ государственныхъ рудникахъ; а на островѣ Сахалинѣ каторжники занимаются копаніемъ каменнаго угля и хлѣбопашествомъ. Окончившихъ срокъ каторги и переведенныхъ на поселеніе заставляютъ заниматься на Сахалинѣ хлѣбопашествомъ. Изъ такихъ поселенцевъ на Сахалинѣ составилось уже нѣсколько десятковъ деревень. Новыя мѣста подъ селенія выбираются чаще всего самимъ тюремнымъ начальствомъ. Иногда же снаряжаются для этого партіи изъ ссыльно-каторжныхъ, и они бродятъ по неизвѣстнымъ еще мѣстамъ, подъ надзоромъ чиновника, и подыскиваютъ для своихъ поселеній удобныя мѣста. Первые два года послѣ каторги поселенецъ получаетъ казенные харчи, а затѣмъ онъ долженъ кормиться отъ своего хозяйства.

Много, какъ мы видѣли, живетъ въ Сибири людей ссыльныхъ, но еще больше тамъ такого народа, который добровольно переселился туда изъ за

Уральскихъ горъ, изъ Россіи. Эти люди зовутся «переселенцами», «новоселами», а сибиряки зовутъ ихъ «рассейскими» или «самоходами», потому что эти люди идутъ изъ Россіи по своей волѣ.

Какъ извѣстно, вслѣдъ за казаками и торговцами двигались большими партіями и «охочіе люди». Этихъ бѣдняковъ заманивали сюда слухи о новыхъ землицахъ, гдѣ «бабы бьютъ соболей коромыслами». Изъ этихъ «охотничьихъ» людей образовалось сторожилое коренное населеніе Сибири.

Казаки, высланные по наряду и приказу, стали жить на государственномъ жалованьѣ и строить городки; «охочіе люди» и бѣглые начали, подъ ихъ защитой, селиться цѣлыми слободами, и одинокими поселками. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ накрѣпко приказалъ сибирскимъ воеводамъ стараться обращать къ земледѣлію, вообще, всѣхъ, ничѣмъ незанятыхъ людей. Мало того, было велѣно «смотрѣть, чтобы крестьяне пахали и жали во-время». Пришла для Сибири пора питаться своимъ хлѣбомъ, а не обременять казну денежнымъ и хлѣбнымъ пособіемъ. Прежде въ Сибирь казна подвозила хлѣбъ изъ Вятки, Устюга Великаго, съ Вычегды и Камы.

Личной поземельной собственности въ Сибири нѣтъ. Сибирскія земли принадлежатъ или казнѣ, или обществамъ. Деревенскій выборный старшина, съ согласія всего крестьянскаго міра, выдѣляетъ участокъ пахотныхъ земель каждому хозяину, который можетъ сдать его въ аренду, но продать не въ правѣ. Послѣ смерти хозяина дома дѣти его не дѣлятъ оставшейся земли, но ждутъ очереди, когда имъ при общемъ надѣлѣ, отрѣжутъ извѣстное

количество земли отъ общаго принадлежащаго всему обществу поля. Обыкновенно каждый получаетъ 15 десятинъ, но на необъятныхъ пространствахъ пустыхъ земель еще во многихъ случаяхъ каждый пашетъ тамъ, гдѣ ему удобнѣе, или сколько хочетъ и сможетъ. Отсюда и произошли часто попадающіяся въ Сибири отдѣльныя хозяйства, которыя извѣстны подъ именемъ заимокъ; но рѣшившись продать свою заимку, владѣлецъ продаетъ возведенныя имъ строенія, а не землю. Общество или казна во всякое время могутъ отобрать эту землю но это обыкновенно въ Сибири не дѣлается. Пастбища и луга въ Сибирскихъ деревняхъ также общія; ближайшіе къ деревнѣ луга ежегодно дѣлятся на столько участковъ, сколько въ данномъ селеніи хозяевъ дворовъ; на отдаленныхъ и никѣмъ не занятыхъ лугахъ всякій свободенъ безъ разрѣшенія и безъ спросу косить траву. Лѣса тоже принадлежатъ казнѣ. Ихъ не дѣлятъ на участки, и самый лѣсъ никому не принадлежитъ, хотя всякій можетъ вырубать безъ разрѣшенія столько бревенъ и дровъ, сколько пожелаетъ.

Особенно много идетъ переселенцевъ въ Западную Сибирь. «Съ 1861 года, то-есть послѣ того, какъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости, за Уральскія горы переселилось больше милліона человѣкъ. Въ послѣдніе годы переселялись сюда до ста тысячъ человѣкъ ежегодно, а въ 1896 году, напримѣръ, прошло до двухсотъ тысячъ. Пока не было приступлено къ постройкѣ Великой Сибирской желѣзной дороги, переселенцы обыкновенно шли черезъ г. Тюмень, а теперь идутъ вдоль чугунки черезъ г. Челябинскъ. Переселенцы

идутъ въ Сибирь изъ разныхъ губерній, но больше всего—изъ среднихъ губерній. Большинство изъ переселенцевъ люди бѣдные. Много горя терпятъ и много слезъ проливаютъ они на дальней дорогѣ и на новыхъ мѣстахъ. Переселеніе—дѣло важное. Съ такимъ дѣломъ, если его плохо исполнить, и себя можно погубить да и всю семью навѣки сдѣлать несчастной. Чтобы рѣшиться на это дѣло, нужно подумать да подумать. Только, къ сожалѣнію, не всѣ думаютъ, не всѣ относятся къ переселенію съ должнымъ вниманіемъ. Иные переселяются сами не зная хорошенько куда. Есть хорошая книга, которая называется «Разсказы о Западной Сибири». Стоитъ она всего 25 копѣекъ. Всякому, кто задумаетъ переселиться въ Сибирь, мы совѣтуемъ пріобрѣсти эту книгу и прочесть ее. Въ ней даются умные и необходимые совѣты и указанія относительно переселенія въ Сибирь. Въ этой книгѣ можно прочитать и о томъ, какъ и куда разрѣшаютъ переселяться; сколько стоитъ дорога, какъ надо хлопотать о томъ, чтобы позволили переселиться въ Сибирь и проч.

Несомнѣнно, прежде чѣмъ переселиться на новыя мѣста, нужно хорошенько раздумать вотъ о чемъ: *Во-первыхъ, нужно знать, что говоритъ о переселеніяхъ законъ.* Переселиться можно только по закону, не то еще больше будетъ непріятностей и горя на дорогѣ. *Во-вторыхъ, нужно знать, какъ приступить къ переселенію*, какъ разузнать, что за земли въ Сибири, по какой дорогѣ туда итти, много ли денегъ нужно для переселенія. Словомъ, нужно знать многое, чего не всѣ пере-

селенцы знаютъ, и оттого терпятъ одно только горе. Обо всемъ этомъ подробно говорится въ указанной нами книжкѣ.

Одинъ бывалый человѣкъ, видавшій на своемъ вѣку много переселенцевъ и помогавшій имъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ, вотъ что пишетъ:

«Переселяться въ незнакомую страну нужно очень осмотрительно и осторожно. Кто думаетъ, что Сибирь — земной рай, тотъ легко можетъ накликать на себя горе и бѣду. Вѣроятно, во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, откуда выходятъ переселенцы, появлялись и переселенцы обратные. Эти обратные, разоривши свое хозяйство, распродавши домишки и даже надѣльныя земли, ушли было въ Сибирь, а потомъ и вернулись на родину оборванные, голодные, нищіе. Раньше они въ своемъ мѣстѣ хоть и бѣдно жили, но все-таки перебивались съ хлѣба на квасъ, имѣли домашній кровъ, и скотинку, и хлѣбъ въ урожайные годы, и подати кое-какъ платили; какъ-никакъ, а были сами хозяева, теперь они стали совсѣмъ бездомовными и безпріютными нищими; имъ только и остается вѣчно быть батраками и мыкаться по бѣлу свѣту».

Надо замѣтить, что въ Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество возможно, теперь нѣтъ ужъ «вольныхъ земель, на которыхъ могъ бы сѣсть всякій, кто только вздумаетъ». Земля принадлежитъ или казнѣ, или отдѣльнымъ обществамъ. Поэтому поселиться въ Сибири безъ разрѣшенія нельзя, а нужно напередъ получить согласіе переселенческихъ чиновниковъ. На новыхъ мѣстахъ переселенцамъ обыкновенно отводится на каждую

мужскую душу по пятнадцати десятинъ. Надѣльныя земли даются переселенцамъ въ постоянное (безсрочное) пользованіе. При этомъ крестьянамъ выдаютъ «акты, въ которыхъ обозначаютъ границы земельнаго участка и слѣдующіе за нихъ казнѣ платежи». Самовольнымъ переселенцамъ не дѣлаютъ никакихъ льготъ, и они должны платить за землю съ перваго же года. А тѣмъ переселенцамъ, которые переселились съ позволеніемъ, дѣлаются льготы. Ихъ, напримѣръ, въ первые три года освобождаютъ отъ всѣхъ казенныхъ платежей; въ слѣдующіе три года они платятъ эти платежи въ половинномъ размѣрѣ. Прибывши на новыя мѣста, нѣкоторые изъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ могутъ получить ссуды для устройства хозяйства. Кромѣ того, на желѣзныхъ дорогахъ съ нихъ берутъ пониженную плату. Русская пословица говоритъ: «Семь разъ отмѣрь, да одинъ разъ отрѣжь». И о переселеніяхъ можно сказать то же. Хозяйственные крестьяне, прежде чѣмъ переселиться, наводятъ справки о новыхъ мѣстахъ, стараются разузнавать о нихъ все въ подробностяхъ, а потомъ посылаютъ туда ходоковъ потолковѣе, чтобы тѣ сами побывали на мѣстѣ, посмотрѣли бы на все хорошенько. Нѣкоторые переселенцы пускались въ дорогу, даже не разспросивъ хорошенько, какъ и куда итти. Были такіе случаи, что «пошли въ Сибирь, а пришли въ Вологодскую губернію, а тамъ опомнились, кода уже почти всѣ деньги вышли».

Первое время переселенцамъ приходится на новомъ участкѣ очень тяжело. Не у всѣхъ есть на обзаведеніе деньги, а безъ денегъ заводить

хозяйство не такъ-то легко. Больше всего нужно подумать о первой зимѣ, когда голодъ и холодъ особенно страшны. Это время приходится очень бѣдствовать. Изъ-за однихъ этихъ бѣдствій люди бѣгутъ изъ Сибири. Въ Сибири крестьянское хозяйство ведется не совсѣмъ такъ, какъ въ Россіи. Мѣста и климатъ тамъ другіе; значитъ и условія обработки земли должны быть другія. Сибиряки тоже вѣдь когда то пришли изъ-за Уральскихъ горъ, изъ Россіи, тоже знали только такое хозяйство, какое вели на родинѣ; только волей-неволей, отъ него отступились и завели свое особенное хозяйство Тоже и съ теперешними переселенцами бываетъ: и имъ приходится поневолѣ съ сибирскими обычаями свыкаться. Хоть въ Сибири и много земли, да не вся она удобна: двѣ трети земли удобныя, а одна треть неудобная. Да и хлѣбъ родится въ Сибири не вездѣ хорошо. Правда, есть мѣста, гдѣ земля очень плодородна, только такихъ мѣстъ не такъ-то много, какъ раньше думали. О сибирскихъ земляхъ тамошніе крестьяне говорятъ, что «онѣ тароваты, да малосильны», это значитъ, что земли скоро выпахиваются.

Несмотря на постоянное заселеніе Сибири, народу тамъ живетъ очень мало. Селенія часто разбросаны другъ отъ друга на громадную даль, а города тѣмъ болѣе. На безпредѣльномъ пространствѣ, напримѣръ восточной половины Сибири съ ея двумя губерніями да четырьмя областями, живетъ всего на всего «около двухъ милліоновъ душъ,—не больше, значитъ, чѣмъ въ какой-нибудь изъ нашихъ среднихъ губерній». У насъ, въ Россіи, по деревнямъ завелись разныя ремесла и промыслы, въ подспорье

хлѣбопашеству; мѣстами цѣлыя селенія заняты разными подѣлками на продажу изъ глины, дерева, желѣза и прочаго. Въ Сибири же такія селенія очень рѣдки и встрѣчаются только въ западныхъ сибирскихъ губерніяхъ, населенныхъ погуще, въ дальней же, восточной Сибири, ложки и тѣ не своего издѣлія, а привозныя. Фабрикъ въ Сибири очень мало; это происходитъ оттого, что поселки больше все небольшіе и очень далеко раскинуты другъ отъ друга. А фабрикѣ, вѣдь, нужно, чтобы вокругъ нея много народу жило, чтобы было откуда набирать людей. Поэтому, необходимый для сибиряковъ, фабричный и заводскій товаръ — привозный и, слѣдовательно, дорогой. Много народу въ Сибири занимается извозомъ особенно по большому тракту; почтовыхъ лошадей не хватаетъ, такъ что много ѣздятъ на вольныхъ. Болѣе же всего зарабатываютъ перевозкой тяжестей, товаровъ съ ярмарокъ, хлѣба и всякаго провіанта на золотые пріиски.

Все, что было сейчасъ разсказано, касается, большей частью, добровольныхъ переселенцевъ въ Сибирь; но, вѣдь, есть еще ссыльные поселенцы. Посмотримъ, что они дѣлаютъ, чѣмъ они занимаются и каково, вообще, ихъ житье? Ссыльные поселенцы живутъ по всей восточной Сибири. Ихъ приписываютъ къ городамъ и селеніямъ—русскимъ и инородческимъ. Ссыльные недолго удерживаются на мѣстахъ приписки, особенно на студеномъ сѣверѣ. Большая часть сѣверныхъ городовъ скорѣе похожа на небольшія селенія, чѣмъ города; жители тамошніе и сами еле перебиваются охотой да мелкой торговлей. Въ тѣхъ мѣстахъ ссыльному трудно найти заработки. Въ Восточную Сибирь ссылаютъ

за большія вины, съ лишеніемъ по суду всѣхъ правъ. Имущество такихъ ссыльныхъ переходитъ по закону въ руки наслѣдниковъ; съ родиной они разстаются навсегда. Гдѣ бы ихъ ни поселили, они предоставлены своей судьбѣ: живи и кормись, какъ знаешь. Чтобы прокормиться, ссыльные часто идутъ въ батраки къ сторожиламъ; но имъ платятъ мало, а зачастую и недобросовѣстно. Вообще, съ ссыльными обращаются очень плохо, забывая, что каждый человѣкъ есть созданіе Божіе и братъ намъ, какой бы грѣхъ и какое несчастье съ нимъ ни случилось. Ссыльному труднѣе, чѣмъ кому-либо, прокормиться, а и подавно завести свое хозяйство. Кромѣ батрачества, ссыльные находятъ еще себѣ заработокъ на золотыхъ пріискахъ; очень многіе изъ нихъ туда и идутъ. Не одни ссыльные, но и крестьяне при нуждѣ нанимаются на пріиски. Это «почти единственный отхожій промыселъ въ Сибири». Золотые промыслы прозываютъ въ Сибири «вольной каторгой». Въ Забайкальской области находятся казенные рудники, въ которыхъ ищутъ золото каторжники; но кромѣ казенныхъ рудниковъ, имѣется въ Сибири много такихъ мѣстъ, гдѣ право отыскивать золото принадлежитъ частнымъ промышленникамъ. Главныя мѣста добычи золота находятся въ Восточной Сибири — въ Енисейскомъ округѣ и южномъ Олекминскомъ округѣ Якутской области. Чаще всего золото лежитъ подъ толстымъ слоемъ почвы, песчанистой розсыпью, вперемежку съ землей. Изъ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ земли вымываютъ его обыкновенно не болѣе четверти золотника. Ищутъ золото въ ложбинахъ лѣсныхъ рѣчекъ по разнымъ наружнымъ примѣтамъ.

Сюда-то и нанимаются работать ссыльные. Работа здѣсь трудная, почти вовсе безъ праздниковъ; работаютъ на золотыхъ пріискахъ до глубокой осени и часовъ по 15 въ сутки. въ лѣсной трущобѣ, вдали отъ людныхъ мѣстъ. «Круглымъ счетомъ мѣсячный заработокъ пріисковаго рабочаго —рублей двадцать».

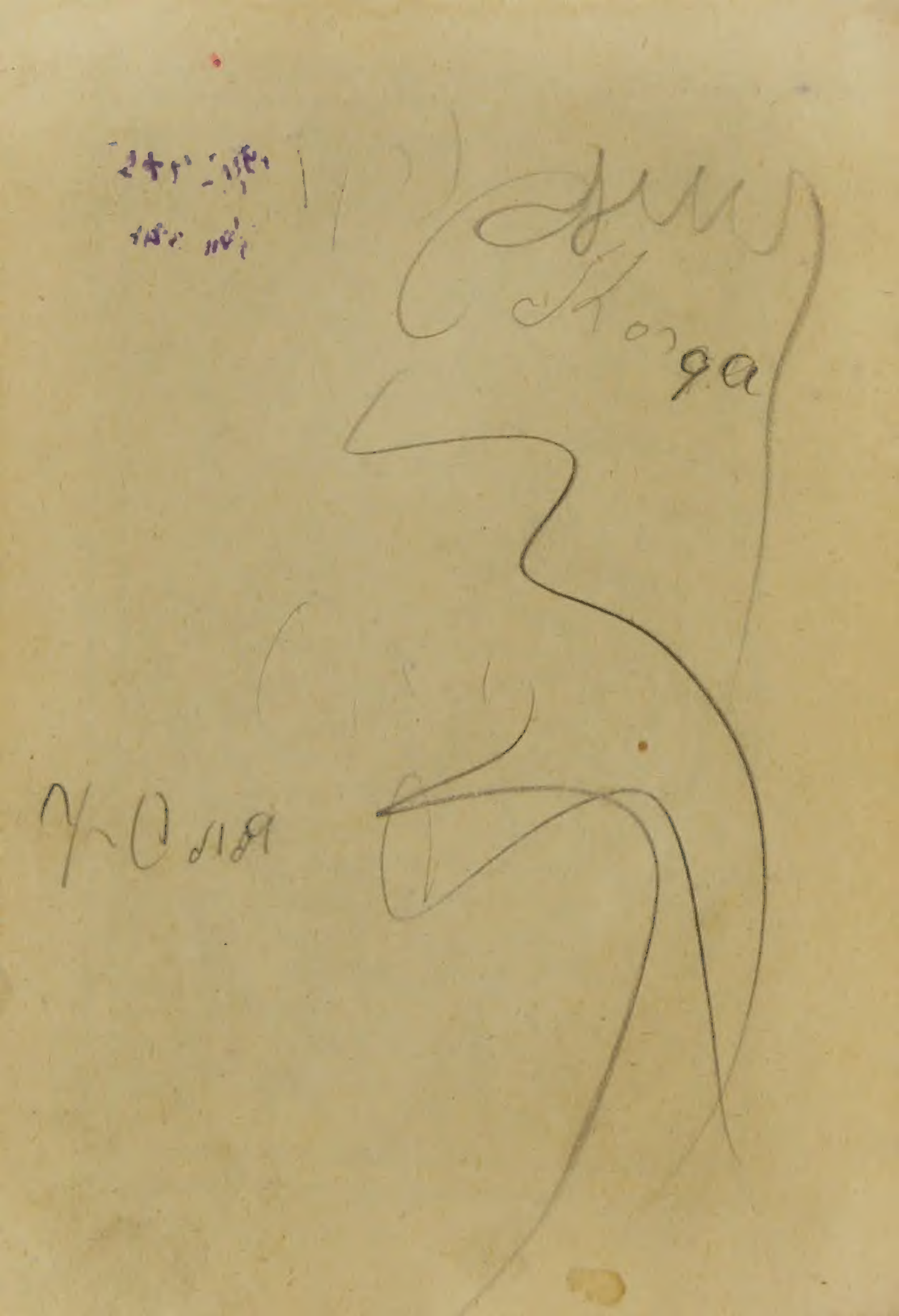
Мѣсто, гдѣ снять верхній пустой слой земли до золота, называется разрѣзомъ. Изъ золотоноснаго слоя землю выбиваютъ кирками и лопатами, сваливаютъ на тачки и свозятъ къ плотинѣ загражденной рѣчки. Здѣсь землю ссыпаютъ на желѣзныя рѣшета. Сквозь рѣшета протекаетъ вода; она растворяетъ глину и песокъ и грязнымъ потокомъ падаетъ на покатый полъ. На полу положены поперечныя преграды. Что полегче—глина и песокъ —уносится водой, а золото осѣдаетъ и задерживается.

Каторжные выходятъ на работы утромъ; ихъ окружаетъ цѣпь конвойныхъ съ ружьями. Часто, несмотря на надзоръ, каторжнымъ удается бѣжать. По нѣскольку дней сидятъ бѣглецы въ трущобахъ, пока не пройдетъ погоня. Истощенные голодомъ, ночью прокрадываются они, чтобы выпросить на дорогу хлѣба у собратовъ своего и чужого пріиска. Затѣмъ тихо-тихо, по дикой тайгѣ, ночью, подъ страхомъ встрѣтить кого-нибудь, боясь каждаго шороха, пробираются каторжники на родину. Громадный путь, который нужно пройти бродягамъ, полонъ трудностей и бѣдствій всякаго рода. Сибирскіе крестьяне привыкли къ бродягамъ и охотно даютъ этимъ несчастнымъ странникамъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Тяжела жизнь бродяги и на волѣ. Тянется она горькая, бездольная, нищенская, страдальческая, тянется цѣлые годы безъ конца. Про-

бираясь въ страшную непогоду, подъ дѣйствіемъ весеннихъ и осеннихъ ливней, среди болотъ, переправляясь чрезъ озера и рѣки, бродя зимой, въ худой одежонкѣ, бродяга часто хвораетъ. Больной и голодный тащится онъ по тайгѣ, нерѣдко въ лихорадкѣ или съ началомъ тифа. Счастье, впрочемъ, еще, если ему удастся добраться до деревни, но часто болѣзнь застаетъ его въ дорогѣ И лежитъ онъ больной среди дикаго лѣса. Медленно тянется время; ночью слышится ревъ волковъ, да иногда хрустѣнье валежника и ревъ медвѣдя. И молится бродяга, чтобы поскорѣе Богъ послалъ ему смерть. Если откроютъ весной его тѣло, то бросятъ въ болото, чтобы не имѣть лишнихъ хлопотъ съ начальствомъ: вотъ и конецъ бродяжеской жизни.

Заканчивая на этомъ свой разсказъ о Сибири, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое имѣетъ Сибирь для Россіи. «Сибирь - золотое дно»... Такъ думали еще въ былыя времена, когда Сибирь знали очень мало. И люди, думавшіе такъ, не ошибались. Дѣйствительно, обильна Сибирь своими естественными богатствами и много добра вывозится оттуда въ Россію. Но не одними мѣхами, металлами и драгоцѣнными камнями важна для насъ Сибирь: черезъ нее мы имѣли возможность укрѣпить свою торговлю на Восточномъ Океанѣ; черезъ Сибирь мы открыли въ Китай и въ средне-азіатскія владѣнія сбытъ нашихъ товаровъ. Важна для Россіи Сибирь и какъ мѣсто для новыхъ переселеній. Съ каждымъ годомъ значеніе Сибири для русскихъ все увеличивается и особенно послѣ того, какъ ее соединили стальнымъ рельсовымъ путемъ съ Россіей.

КАРТА
СИБИРИ
80
80
70
60
50
60
70
80
90
100
110
120
130
Ледовитое море
Охотское море
Японское море



19/i-475
1/xii 560